

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
СОЛНЦЕ И ПЛАМЯ

Ученики Ворона

Андрей Васильев

Солнце и пламя

«Автор»

2019

Васильев А. А.

Солнце и пламя / А. А. Васильев — «Автор», 2019 — (Ученики Ворона)

Когда у тебя отобрали все – дом, наставника, будущее, то следует честно признать, что дела твои так себе. Собственно, именно в такую ситуацию попали бывшие ученики мага, по прозвищу Ворон. Но лишившись всего, они приобрели права на кое-что другое. А именно – на месть. Вопрос только в том, насколько высока окажется цена, которую за это право придется заплатить...

© Васильев А. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Глава пятая	38
Глава шестая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Васильев

Солнце и пламя

Глава первая

– Говорила же, что никто, кроме нас, сюда не придет, – в очередной раз сообщила Роза, после отрезала от изрядно уменьшившегося окорока кусок мяса и начала его жевать. – И еще! Карл, если ты не перестанешь столько жрать, то скоро к нашим шеям протянется костлявая рука голода.

– Когда мне скучно, я всегда ем, – и не подумал смущаться Фальк, подбросив пару веток в трещащий костер. – Ну и потом – вон там Форнасион, в нем имеется куча лавок, а в них полно еды. Если что – отправлюсь туда да закуплю провизии.

Роза ничего на это не ответила, только подняла руки вверх, как бы извещая небеса о том, что тупость Карла не имеет пределов.

– Да успокойся ты, – миролюбиво посоветовал последний моей подруге. – Что у тебя за этот... Как его... Эраст?

– Страх преследования, – подсказал здоровяку я. – В самом деле, Роза. Видела же – до нас никому никакого дела уже нет. Почти год прошел как-никак, все прошедшее пеплом покрылось, про нас давным-давно забыли.

– Ой ли? – прищурилась девушка. – И Форсез тоже?

– Форсез – нет, – признал я. – Эта сволочь наверняка не утомилась, но только вряд ли он сидит в том же Форнасионе, поджидая того момента, когда проглот Фальк на рынок за копченым свиным окороком припрется. Да кто ему для этих целей людей даст? Тем более с учетом последних событий?

Свежие новости бывших Центральных Королевств, а ныне Империи Айронт, нам были хорошо известны, поскольку по дороге мы, пусть и с опаской, но завернули в парочку небольших городков, где утолили собственное любопытство, попутно пополняя запасы провизии. Ну а как было удержаться? Все-таки почти год просидели в местах, где из собеседников одни медведи да лоси имелись. Причем под конец мы большинство из этих медведей уже начали по мордам узнавать, а когда Фальк по зиме одного из них в берлоге расшевелил, а после на рога-тину поднял, Магдалена устроила ему жуткий скандал, обвинив в том, что он осиротил двух премиленьких медвежат. Факт того, что зимнее убийство медведя с последующим его поеданием является давней баронской традицией Лесного Края, ее при этом не волновал.

Впрочем, скука – понятие весьма относительное. Лично я еще годков сорок так бы поспу-чал, честное слово. Мне шума и гама последних лет надолго хватит, я, знаете ли, и сейчас ино-гда просыпаюсь от того, что во снах ко мне приходят картины недавнего прошлого. То я снова на поле битвы между Айронтом и Асторгом и вижу, как мага-имперца в яме заклинанием на фарш перемалывает, то Гробницы Пяти Магов примерещатся, то черные мертвые глазницы Лиании на меня уставятся. Врагу таких снов не пожелаю. Ну разве только что упомянутому Форсезу, которого совершенно не жалко.

Так что мне в дальних владениях семейства Фальков было чудо как хорошо. Кругом лес, тишина, безлюдье. Охотничий дом небольшой, но уютный, о двух этажах, с камином. А еще рядом имелось озерцо, в котором можно славно порыбачить. О чем еще мечтать измотанному и издерганному путнику?

Собственно, мы первый месяц по приезде только и делали, что спали да ели, ни на что другое сил не имелось. Дорога вымотала нас окончательно. Даже не столько дорога, сколько мучительное ожидание того момента, когда раздастся крик:

– Эй, это же те, которые в розыске, за них награда объявлена! Хватай их, братие!

Самое забавное то, что места, через которые пролегал сначала водный, а после и конный путь, по большому счету войны и не знали. Не докатилась она сюда в том объеме, который мы видели в бывших Центральных Королевствах. Нет, отряды имперцев замечали, они даже взяли на клинок пару крепостей, сожгли несколько городков и вздернули кое-кого из местных властителей, не пожелавших признать Линдуса Второго своим повелителем, но в целом местному люду было едино, кому платить подати. На смертный и правый бой тут никто подниматься не собирался, особенно с учетом того, что на носу осень с ее неперенной уборкой урожая. «Если сейчас воевать начать, то что зимой жрать станем?» – резонно рассуждали местные трудники, тем самым соглашаясь с тем, что они теперь часть новой Империи.

На нас при этом никто никакого внимания не обращал, что радовало безмерно. Правда, мы и сами старались лишний раз не показываться кому-либо на глаза, все больше ночуя на лесных опушках и заворачивая в селения только при крайней необходимости.

Ну а потом наконец добрались до имения Фальков, где были встречены как родные. Без преувеличения, так было на самом деле. Нет, Карла-то его родитель, барон Хицкварт Фальк, здоровенный, как пятисотлетний дуб, первым делом выдрал вымоченными в солевом растворе лозами, не посмотрев на то, что сынуля давным-давно вышел из детского возраста. Как было заявлено:

– Для того, чтобы помнил, как оно в отчем доме живется. И что отцу-матери надо хоть раз в три года о себе весточку слать.

Короче – наговаривал Карл все это время на своего папашу напраслину. Дескать, «я боги ведают какой по счету сын, моя судьба – шпага, странствие и смерть». Его, оказывается, дома ждали, да еще как!

После экзекуции барон Хицкварт посоветовал мне есть побольше мяса, поскольку очень уж я тощ, Магдалене порекомендовал налегать на капусту, ибо в некоторых местах у нее хоть и колышется кое-что, но по местным меркам этого маловато, и только Роза удостоилась молчания, означавшего, что к ней претензий нет. Хотя, может, дело и не в этом. Моя невеста так зыркнула на громогласного барона, что даже он понял – тут лучше ничего не говорить. Хвала богам, что не сыну, а его другу эта чума досталась, потому ему теперь и выпутываться.

Как выяснилось позже, во время застолья, поразившего таким изобилием, какого я и в Халифатах не видал, тут, в Лесном Краю, толком народ ничего и не знал. Ни про войну, громыхавшую в Центральных Королевствах, ни про возникновение новой Империи. Бароны редко выезжали из своих пределов в большой мир, оно им не нужно было. Все же есть – дичь в лесах, рыба в озерах, селяне-арендаторы жито сеют да собирают в достатке, пива на зиму наварено с запасом. И вот на что баронам лишняя головная боль? А если повоевать захочется – можно какие-то старые обиды вспомнить. Или новые придумать, почему нет?

Впрочем, рассказ о наших недавних похождениях Хицкварт выслушал внимательно, несмотря на то что в нем к тому времени плескалось с полбочонка крепкого темного пива, если не больше. Все уже ушли спать – и братья Карла, и их жены, и даже дородная баронесса Ульфрида, которая весь вечер глядела на наряды наших поистрепавшихся в пути соучениц да тихонько вздыхала.

– Олух ваш наставник! – рыкнул под конец рассказа старший Фальк, выплеснул из кружки себе в рот остатки терпкого пойла, а после подал знак Карлу, чтобы тот наполнил ее снова из кувшина размером с половину меня. – Нечего так на меня зыркать, девица. Олух, я тебе говорю. Велик труд – взять да помереть. Это вон любой сможет, даже мой обалдуй. Ты умри так, чтобы об этом после лет десять все говорили! Так, чтобы, вспоминая этот год, всякий добавлял: «Это когда маг Ворон с собой половину Ордена к Престолу Владык утащил». Вышел бы из дома и устроил хороший переполох, чтобы вы под шумок смылись. Он же, мать его так, маг, да еще и великий, если вашим словам верить можно. Вот это – да, это смерть. А

тут что? Вас он спасал? Дудки! Чистеньким захотел уйти, еще больше грехов на душу свою не пожелал заполучить. Дескать – я помер, а вы, ученики, дальше выпутывайтесь, но так, чтобы честь мою посмертную не измарать. Тьфу!

Самое странное – мне почему-то не захотелось ему возражать. Нет, Ворон всегда был и останется для меня наставником, тем, чье место в моем сердце не займет никто, но ответить на слова барона мне было нечем. Выглядело-то все именно так, как он и сказал.

– Тебя там не было, отец, – хмуро проворчал Карл, наполняя пивом и наши кружки. – Да еще этот Альдин, чтобы ему пусто было. Он посильнее Ворона маг, поверь.

– Они одного помета, сын, – буркнул Хицкварт. – А свой со своим завсегда сговорится, мне ли не знать? Вас-то этот Альдин выпустил, да еще и помог. Ему нужна была жизнь Ворона? Так в чем же дело, убил бы, только чуть позже, особенно если ваш наставник сам был не прочь помереть. Что, не дал бы этот Альдин старому другу порезвиться напоследок? Ха! А так – один очутился без толку, второму вы теперь должны по гроб жизни. И кто ваш учитель после этого? Олух, как я сразу и сказал.

Прямой и открытый барон резал по живому, вскрывая те мысли, которые мы от себя гнали все это время.

– Все случилось так, как случилось, – Роза обглодала куриное крылышко и вытерла пальцы о скатерть так же, как тут делали все. – Ваша милость...

– Дядюшка Хицкварт, – брякнул кружкой о стол барон. – Здесь у нас все просто, без этих западных ужимок. Ты женщина лучшего друга моего сына. Лучший друг моего сына – все одно что мне самому родич. Да, может, оно так и есть, у нас в Лесном Краю все в хоть каком-то, да сродстве.

Если честно, меня всю дорогу беспокоил тот факт, что отец Карла может знать, как выглядел тот бедолага, прах которого давным-давно развеял ветер над морем. Они тут и на самом деле все обо всех знают. А я на настоящего фон Рута вообще не похож, от слова «совершенно». Тот, помнится, был здоровяк хоть куда, губастый и щекастый, и потому никакие объяснения, что, мол, заматерел и возмужал, не помогут. Да еще и светловолосым он был, а это уж ни в какие ворота не лезет. Разве что рост у нас более-менее совпадает.

Но – обошлось. Слышать про фон Рутов барон Хицкварт, конечно, слышал, моего родителя тоже знал, выпивали они на ежегодной ярмарке в одной компании несколько раз, даже о смерти его скоропостижной ведал, но настоящего Эраста он не видел. Повезло мне.

– Дядюшка Хицкварт, – моментально отозвалась Роза тем тоном, от которого мне всегда немного не по себе становится. Это значит, что моя избранница что-то задумала. – Нас ведь искать станут.

– Пуцай, – хохотнул барон, сделал гигантский глоток, пролив часть пива себе на грудь. – Уфффф! Как приедут, так тут и останутся. У нас озер много, рыбе что-то кушать надо.

– Вот это как раз ни к чему, – вкрадчиво мурлыкнула Роза. – Пусть приедут – и уедут, живые и здоровые.

Старший Фальк икнул, вытер рукавом пену с губ и посмотрел на де Фюрри, причем его мутные от хмеля глаза весьма проникательно сверкнули.

– А и правда, – наконец пробасил он. – Чего их убивать? Встретим честь по чести, как положено. Пускай убедятся, что нам скрывать нечего.

– Вот-вот, – поддержал его сын. – Только ты конюхов да девок-служанок предупреди, чтобы они лишнего не сболтнули. Если заявятся те, о ком мы думаем, так они не дураки. И спрашивать умеют, и одно с другим в целое складывать. Сильно умные, стервецы. Я их убивал, знаю.

– А вы завтра, как рассветет, проваливайте в охотничий домик, – велел Хицкварт. – Сидите там тихо, пока все вокруг не уляжется. Припасы раз в неделю подвозить станем. А если что – не умрете от голода, лес вокруг, он и накормит, и напоит. Ну а чтобы не заскучали – делом

там займетесь. Кабанов близ озера развелось многовато, перебьете часть, а после окорока их закоптите.

Рози все рассчитала верно, представители Ордена заявили в дом Фальков недели через две после того, как мы отбыли в лесную глушь. Три дня они провели у барона в гостях, опросили всех, кого только можно, прислугу и стражали, и пытались подкупить, но так ничего и не вызнали.

После попытались сунуться в лес, сдуру потревожили медведицу с медвежатами, после чего вскоре откуда-то прибрел папа-медведь, который без особых раздумий одного из горестледопытов задрал насмерть, второму изрядно располосовал когтями грудь, а остальных напугал до икоты.

В общем, плюнули вскоре чернецы на розыск беглых подмастерьев да и убрались обратно в Империю.

Собственно, с того момента наша жизнь стала совершенно безоблачной и, как я говорил, очень скучной. В своей предсказуемости скучной. Даже учитывая то, что никто без дела днем не сидел, поскольку жизнь мага есть постоянное стремление к познанию нового, а при невозможности последнего – совершенствование уже изведенного. Короче – если не хочешь одичать, каждый день оттачивай свои навыки. А то все, кончишься ты как маг, – это нам Ворон в головы вбил накрепко. Эх, сюда бы еще нашу замковую библиотеку...

И как же мне лично было жалко расставаться с этой скукой весной, когда пришло время отправляться обратно на земли Империи. Если бы не друзья, которых очень хотелось повидать, то... Ну да, скажем честно – десять раз бы подумал, прежде чем покидать этот дом, который за зиму стал нам родным.

Прогорело многое в душе. Прогорело. Ненависть ко всем тем, кому нужна была наша жизнь, осталась, это так, но желание прямо сейчас, немедленно, добраться до их глоток не то чтобы исчезло, но стало подобно утреннему туману над водой. Зыбким стало, невесомым. Убить их всех нужно, но стоит ли с этим спешить? Ни Форсез, ни мастер Гай – они ведь никуда не денутся. Напротив, лет через пять-десять они уже не будут ждать нашего возвращения, а мы тут как тут.

Впрочем, не думаю, что я и мои друзья занимаем столь почетное место в мыслях мастера Туллия. Уж кто-кто, а он-то про нас наверняка уже и думать забыл. Точнее – он не берет нас в расчет, за ненадобностью. Так-то мастер Гай никогда ничего и никого не забывает, мне ли не знать?

Так вот – если бы не Гарольд и остальные, я бы никуда не поехал, признаюсь честно. Ну да, сидеть на шее у семейства Фальков – это не слишком правильно, но с другой стороны, мы свое проживание честно отрабатываем, в основном лекарскими навыками. Вот, невестку барона спасли этой зимой: она никак разродиться не могла. Да и ему самому застарелый свищ в ноге вылечили, тот гноиться перестал.

Но Рози и – совершенно неожиданно – Фальк все равно ни мне, ни Магдалене, которая во многом разделяла мои взгляды, остаться бы тут не дали. Их тянуло в дорогу. Первой жутко наскучила местная глушь, в которой она не могла найти применение своим многочисленным талантам, второй не любил откладывать на завтра убийство, которое можно совершить сегодня.

Сборы были коротки, и в апреле, сразу после того, как сошел снег, а земля задышала, как младенец в утреннем сне, мы отправились обратно в Центральные Королевства. Ах, простите, в Империю.

Кстати, представители Линдуса Второго по зиме тоже нанесли визит к нескольким местным баронам из числа тех, чьи голоса на общих весенних и осенних ярмарочных сходах звучали погромче остальных. Приехали, подарили немудреные подарки и между прочим сказали, что Император добр к тем, кто внимает его словам, но крайне суров с теми, кто предпочитает делать вид, что ничего не слышал, или, того хуже, не согласен с изреченным.

Бароны осушили по ведерной кружке пивка и сообщили представителям Линдуса, что они люди пьющие, а потому согласны со всеми, кто не станет мешать им предаваться любимому пороку, а также посягать на пасеки, пастбища, поля с житом и крепкозадых скотниц. Но в остальном – дай боги здоровья Императору. И вот в подарок ему пять бочонков зимнего пива. От всей души.

Насколько я понимаю, посланцы покинули Лесной Край в недоумении, так и не осознав до конца, что здесь произошло. Вроде как и не послали их куда подальше, но при этом зачем Императору все эти земли без перечисленных благ – тоже неясно. Ну а какие выводы из произошедшего сделали в Миклайте, который отныне являлся столицей Империи, я вовсе понятия не имею. Надеюсь, такие, которые не приведут к неприятностям для баронской вольницы.

Впрочем, спорный вопрос, для кого неприятностей будет больше, надумай Империя привести того же Хицкварта к присяге. Тут в поле грудь в грудь биться никто не станет. Уйдут бароны в глубь лесов, да и все. И те, кто их там надумает поймать, только смерть свою сыщут.

Но в целом умнее оказались местные жители иных королев, скажу я вам. Умнее и дальновидней.

Хотя, ради правды, королев тех уже почти и не осталось. Перебили их за минувший год всех. Кого задушили, кого отравили, кого на плаху отправили. Изменил Линдус своим принципам, которыми прошлым летом так гордился. Или наоборот – завел себе новые? Так сказать – имперские замашки?

Как я и говорил, в первом же городке, который мы посетили, нам удалось узнать о многом из того, что произошло в большом мире за прошедшее время.

Нам даже расспрашивать никого особо не пришлось, местные многое и о многом нам рассказали сами, пусть даже и невольно. Было достаточно просто вечером зайти в местную корчму, где ее завсегдатаи уже по сотому разу обсасывали подробности тех потрясений, что выпали Рагеллону за прошедшие пару лет. Судя по всему, им это очень нравилось, и особую радость данным господам доставлял тот факт, что их тревожения далекой войны почти не затронули. Хотя бы потому, что сопротивляться приходу Империи в городке под названием Мушина радость попросту никто не стал. Напротив, они сами по-быстрому повесили бургомистра, призывавшего к борьбе с агрессором, а после показали его тело, болтающееся на веревке посреди главной площади, отряду запыленных гвардейцев, заверив тех, что так будет с каждым, пошедшим против Линдуса Второго.

– А что магов перебили, братие, так это благо! – орал ближе к ночи один из изрядно подпивших горожан, размахивая кружкой, из которой летели пенные брызги. – Великое благо! От них, от них все беды мира были!

– Верно!!! – поддержала его толпа, следом нестройно затянув песню, в которой повествовалось о том, как весело и здорово жечь ведьм на кострах, перед тем как следует с ними позабавившись.

Я такой раньше не слышал. То ли местное творчество, то ли отголоски веяний нового времени.

Среди всего того гвалта, который здесь стоял, мы все же уловили главное. Магическое сообщество в своем старом виде перестало существовать совершенно. Почти все, кто занял противную Империи позицию и смог выжить в прошлогодней резне, выловлены и казнены, равно как и большинство тех, кто вообще никакой позиции не занимал, но вовремя не поддержал партию победителей.

Нет больше конклавов. Не осталось их как таковых. Вернее – имеется только один-единственный, главу которого по имени, ясное дело, никто не назвал, но мне оно отлично известно.

Добился, выходит, Гай Петрониус Туллий своей цели. Вот ведь какой настырный старикашка! Хотя подобное упорство достойно подражания. Мне бы такое, я тогда давно бы уже...

Впрочем, вру. Ничего бы не изменилось, все осталось как есть. Судьбу не обманешь, как и богов.

Последнее, кстати, тоже спорный вопрос. Похоже, что не только твердь земная дыбом встала, но и небесам скоро жарко придется. Никогда не слышал столько богохульства, сколько сегодня. Нет, мне тоже иногда становилось неясно, как боги терпят всю ту дрянь, которая делается от их имени. Да и просто – делается. Все эти казни, жертвоприношения, клятвопреступничество... Да, наши руки тоже не сильно чисты, на них крови ого-го сколько, но по сравнению с тем же Орденом Истины мы чисты, как дети.

Но боги молчат, и это волей-неволей заставляет задуматься на тему – а не слепы ли они? Не глухи? Не спят ли? Единственное, что не вызывает сомнения, так это их существование. Кто-то ведь раздает магам-наставникам право брать учеников?

Интересно, а где теперь жезл Ворона, который подтверждал его права на наши тела и души? Вряд ли он сгорел с тем трактиром, это все же предмет, созданный в небесных сферах.

Но даже эти мысли не шли в сравнение с той скверной, что лилась из ртов забулдыг. Причем было ясно, что все их речи – лишь отголоски того, что звучит на площадях больших городов. Как видно, не хотелось Линдусу Второму делиться своей властью ни с кем, даже с богами, иначе бы он такие разговоры пресекал на корню.

А может, это работа Ордена Истины, который, если верить услышанному, здорово сдал свои позиции за минувшее время. Не было у него теперь той власти, что раньше, рассыпалась она если не в прах, то на кусочки точно. Слишком большой ломоть попробовали чернецы откусить, не влез он в рот. А там и расплата подоспела: новый Император отлично осознавал, что надо сразу себя ставить жестко, без размышлений и жалости. В результате влияние Ордена при дворе значительно ослабло, полностью прекратилось его финансирование из казны, а кое-кого из отцов-настоятелей даже казнили, обвинив в сговоре с противниками императорской фамилии, в том числе с какими-то злокозненными магами, сражавшимися в прошлогодней войне на стороне Асторга. Под это же дело, кстати, на костры отправили полсотни магов – чтобы, значит, наличествовало кое-какое равновесие и чтобы жизнь медом не казалась. Причем и тем, и другим также были вменены в вину связи с королем эльфов Меллобаром, который умудрился-таки удержать изрядный кус земель по эту сторону Луанны. Мало удержать – он продолжал свое движение вглубь территорий новоявленной Империи, пусть и не очень быстрое, но зато постоянное.

Мне до сих пор интересно – каких именно «злокозненных магов» имел в виду имперский суд? Уж не нашего ли наставника?

Что любопытно – про мучительную смерть чернецов народ особо не разорялся, ему, похоже, все равно было. А вот казни магов до сих пор радовался, разбирая ее по косточкам и придумывая все новые и новые посмертные проклятия, якобы изреченные казненными.

Короче – все идет так, как и предполагалось.

Да и вообще мы, остатки учеников Ворона, многое угадали еще тогда, когда в последний раз все вместе сидели под деревьями в предутреннем лесу. Научились все же чему-то у наставника, смогли просчитать ближайшее будущее.

Линдус таки не полез в Халифаты, не по зубам ему этот кусок оказался. Он заключил с Сафаром договор о вечном мире и сотрудничестве, после чего каждый из властителей запер на огромный висячий замок свои морские границы, совершенно не доверяя друг другу. Связи двух держав практически прервались, что, несомненно, безумно порадовало контрабандистов, доходы которых теперь возросли непомерно. Интересно, работают ли до сих пор каналы доставок из страны в страну тканей, специй и кое-каких других запретных удовольствий, налаженные Розы? Часть из них, те, о которых не знала даже ее родня, она в последний день передала Эмбер Альбе, велев держать ухо с этой публикой остро и, если что, не церемониться. Контрабандисты ребята простые, они нанимателя или боятся, или убивают. Третьего не дано.

С Асторгом дела у Империи обстояли приблизительно так же. На словах мир и дружба, вроде как изрядно укрепленные недавним разделом южных завоеванных владений, а на деле бесконечные пограничные конфликты и непрерывное слежение друг за другом. Для настоящей, а не бутафорской войны сил у обеих сторон было маловато. Асторг уступал Империи в народонаселении, а значит, и в количестве войск, которое он мог выставить на поле битвы, а Линдус вместе с властью получил кучу проблем, которые не дали бы ему возможность провести короткую и победоносную войну, по крайней мере на данный момент.

Среди них числились кровавые и страшные мятежи, то и дело вспыхивающие на присоединенных территориях, особенно на Юге; нестабильность финансовых дел, ибо в смутные времена приток денег в казну здорово уменьшается по причине того, что очень уж многие стремятся чуть-чуть, да зачерпнуть из золотой речки, справедливо полагая, что в этой суеде данного шага никто не заметит; ну и самое главное – дела семейные. Братья единокровные.

Нет, так-то выходило, что Линдус Второй трон не узурпировал, а получил его по праву. Папаша по официальной версии вроде как сам помер, так что все верно – престол по старшинству перешел и по установленному лет триста назад статуту.

Вот только плевать остальным братьям было на этот самый статут. Им была нужна власть, до которой, казалось, уже рукой подать, и не нынешняя, над какой-то провинцией, а абсолютная. Над всем и всеми.

Перегрызлись братья, перегрызлись. Нет, формально тут тоже все было благообразно. Они время от времени встречались, сердечно общались, младшие преклоняли колено перед старшим, и – ждали. Ждали чужих ошибок, ненавидя друг друга так, как на это способны только родные по крови люди.

А младшенький, Айгон, даже на визиты во дворец Императора не расщедрился, небезосновательно полагая, что, отбыв туда, обратно в свои земли он уже не вернется. Его Линдус Второй особенно не любил, и, если верить услышанному, даже пару раз пытался убить чужими руками, но безуспешно. Сам же Айгон тем временем железной рукой навел порядок в северных землях, практически восстановил сгоревший пару лет назад флот и теперь скрытно, но так, что все про это знали, налаживал связи с нордлигами, окончательно оправившимися от недавнего разгрома и снова рвущимися в бой. Точнее – к грабежам и насилию, без которого этим бородатым ребятами жить невыносимо.

В общем – какие там войны, какие Халифаты, какой Асторг? С внутренними делами бы новой власти разобраться. А еще – с эльфами, которые подобно заразе, потихоньку, потихоньку расползаются по имперским землям, подминая под себя деревеньки, городки, реки, поля. И, приходя на новое место, они обустроиваются так, что становится ясно – никуда они отсюда больше не уйдут, как это случилось с Фольдштейном и Сезией. Линдус, тогда еще Восьмой, пустил их туда на время, дабы спровоцировать конфликт, который выльется в войну. Со второй частью плана сложилось, война началась. А с первой – нет. Не ушли эльфы обратно за Луанну, не захотели.

В общем – тлеет там. Так тлеет, что вот-вот полыхнет. Опять же – как мы и предполагали. И другая наша догадка нашла подтверждение – на усмирение Меллобара и его ушастых подданных Линдус Второй собирался отправить сводную рать, главные места в которой занимали Орден Истины и Светлое Братство. Причем никто не боялся во всеуслышание говорить, что таким образом Император решает сразу две проблемы, попросту запикивая сразу нескольких крыс в одно ведро. Дескать – пушай они друг дружку жрут!

Кстати, про то, что среди эльфийского войска не редкость и люди, тоже часто упоминалось. Дескать, там можно встретить и рыцарей Асторга, и раскосых детей Востока, и уцелевших ратников павших Центральных Королевств, которые не приняли новый порядок.

Про Белую же Ведьму, о которой даже мы еще в том году успели услышать, и вовсе такие страсти рассказывали, что в них особо не верилось. Мол, она пьет кровь попавшихся ей в

руки служителей Ордена, особо жестоко убивает магов из Братства, часто подвергая их таким пыткам, которые даже до Века Смуты считались запретными, и в полнолуние творит обряды, которые запросто могут привести к скорому концу всего сущего.

Разумеется, все изложенное мы узнали не сразу, и не в одной корчме – мы выуживали эти новости по крупичкам, отделяя откровенное вранье от правды.

Но кое-что общее в этом всем было. Похоже, у нас на самом деле имелся шанс для мести за наставника и наших друзей. Не Линдусу Второму, до него не доберешься, но Ордену и Братству. Осталось только добраться до земель эльфов и не сдохнуть там сразу от их рук.

Правда, Розы еще тихонько высказалась на тот счет, что если годика три-четыре подождать, то Империя и сама развалится, потому что более бестолкового подхода к ее созданию представить невозможно, но одобрения у Фалька и, что примечательно, Магдалены, ее слова не нашли.

Лично я предпочел в этой ситуации промолчать. Надо дождаться остальных, а там поглядим.

В результате мы уже неделю сидим в развалинах, ждем наших друзей, и поневоле в голову начинают забираться мысли вроде «А не зря ли мы приехали? Может, все? Может, пора обратно отправляться?».

Их, конечно, гонишь прочь, но они, сволочи, возвращаются. Более того – на язык просятся. И вот тогда лучше начать ругаться по поводу прозорливости Карла, чем невольно выдать остальным что-нибудь подобное.

Потому что они думают о том же самом.

– А и то, – Фальк встал и потянулся. – Может, правда в Форнасион махнуть? Вино тоже кончилось, а ночи еще холодные...

– Вина мы привезли, – раздался из-за стены голос, который заставил мое сердце стучать быстрее. – Вот свинину всю подъели, это да.

– Реван! – радостно взвизгнула Магдалена и бросилась на шею к пантарийцу, подошедшему к нам. – Эбердин!!!

Верно – следом за ним к костру подошли еще двое из тех, кто отправился с Монброном в Силистрию. Вид у них был изрядно потрепанный, что скрывать. Но они были живы. И они пришли!

– Кто ставил «сигнальный круг»? – уточнила Миралинда. – Фальк, ты? До чего небрежная работа! Я его сняла одним щелчком пальцев! Так же нельзя!

– Суровая какая стала! – пробасил Карл и обнял девушку. – Прямо злюка!

– А где Гарольд? – обеспокоившись, спросил у пришедших я. – Монброн где?

– Тут он, – отвела в сторону глаза Эбердин. – Сейчас подойдет.

– Темните вы что-то, друзья. – Розы нахмурилась. – И сильно.

– Просто есть вещи, де Фюрьи, о которых говорить одновременно сложно, неприятно и необходимо. – Это был Монброн, он стоял в тени стены, почему-то прижимая руки к груди так, словно что-то в них держал. – Эраст, подойди ко мне, будь любезен.

– Что происходит? – еще сильнее насторожилась Розы.

– Сейчас вы все узнаете. И мы тоже, – произнесла странную фразу Эбердин, обняв за плечи подругу. – Иди, Эраст. Это нужно.

И я сделал шаг навстречу к своему лучшему другу.

Глава вторая

– Руку вперед вытяни, – велел Монброн, как только я к нему подошел. – Давай, давай. Хочешь левую, хочешь правую – без разницы.

– Хорошо, – совсем уж растерялся я. – А это у тебя что такое?

Я не ошибся – Гарольд прижимал к груди какой-то сверток, более всего похожий на запеленатого младенца. Да так оно и оказалось! Сверток пискнул, дернулся, из тряпок показалась маленькая белая ладошка, весело ударившая моего друга по щеке.

– До чего вертлявая, – вздохнул Монброн. – Вся в мать!

– Ай! – вскрикнул я от неожиданности, когда острие кинжала чиркнуло меня по руке. – Ты чего?

– Того, – хмуро буркнул Гарольд, поморщившись, ткнул самым кончиком оружия в маленький детский пальчик, отчего сверток немедленно разразился плачем, и начал что-то шептать себе под нос.

– Что происходит? – повернувшись к пантарийцу, спросил я. – Эль, может, ты объяснишь?

– Присоединяюсь к вопросу, – потребовала Розы, но уже у подруги.

– Да помолчите! – шикнула на нас Миралинда. – Сейчас все узнаете! Эраст, подойди к Монброну поближе.

Острие кинжала сначала покраснело, потом побелело, словно раскалившись до предела, а после из него появилась тонкая призрачно-золотистая цепочка, выписывающая в воздухе забавные кульбиты.

Она несколько раз опоясала сверток в руках Гарольда, крутанулась, свившись в несколько петель, а после скользнула ко мне, словно объединяя в одно целое с младенцем, который никак не желал угомониться.

– Будь я проклята! – охнула Эбердин. – С ума сойти!

– Ты проспорила мне ужин, – невозмутимо заявил Эль Гракх. – С вином!

– Луара сказала правду, – пробормотал Гарольд. – А ведь был уверен, что врет, что пытается свой грех прикрыть.

– Ничего не понимаю, – потряс головой я, немного кривя душой. Кое-что для меня лично прояснилось, вот только это «кое-что» было слишком нереально. Даже для нашей компании, которую, кажется, уже ничем не удивить. – Гарольд, что все это значит? Кто этот ребенок?

– Это Люсиль, моя племянница, – охотно ответил мой друг. – Но, как ни странно, не это сейчас главное. Кто ты такой, Эраст? Даже не так. Как твое настоящее имя, друг?

Скажем так – после увиденного я ожидал чего угодно, но только не этого вопроса. Мне вообще казалось, что данная тема навсегда забыта и похоронена. Ошибся.

– Ладно, будь по-твоему. Вот это – «шутка богов», – прервал установившееся молчание Монброн, слегка тряхнув младенца, который наконец начал умолкать. – Так Люсиль называл Унс, а он, как ты помнишь, при всей своей экстравагантности и непредсказуемости был очень знающим магом.

– Я совсем запутался, – пробасил Карл, подходя к нам поближе. – Эраст, не Эраст, Унс этот шептун опять же... Вы вообще о чем речи ведете? Монброн, ты хочешь сказать, что это фон Рут твоей сестре ребятенка заделал?

– Подобное невозможно, – влезла в разговор Магдалена. – Все знают, что...

– Невозможно, – подтвердил ее слова, которые даже не дослушал, Гарольд. – Если боги не надумают пошутить, а здесь все именно так и вышло. Я ведь, признаться, не сильно в них верил, в эти высшие силы. Ну, вроде как они есть, вроде как надо их бояться, но кто из нас все это всерьез-то воспринимал? Знаете, когда я понял, что они существуют? Когда нас Ворон

на площадь у замка весной вывел и стал делить на живых и мертвых. А теперь вот еще раз в этом убедился.

Он откинул серую тряпку, и я увидел недовольную детскую мордашку.

– Стоп! – попросил я. – Слишком много новостей! Нельзя вот так, сразу...

Рози за моей спиной то ли шумно вздохнула, то ли начала злобно рычать. Звук был настолько насыщенный, что определить точно, какое из предположений было верным, возможным не представлялось.

– Согласен, – кивнул Гарольд. – Давай начнем с самого начала. Кто ты такой на самом деле?

– Эраст, не переживай, – мягко произнесла Миралинда. – Ты как был нашим другом, так им и останешься. Для меня – точно, клянусь в этом своей жизнью. Но не выясни у тебя, кто ты есть, мы не можем, хотя бы из любопытства. Мы же с Эбердин девочки, оно наша суть. И потом – может, там какая романтическая составляющая есть?

– А я должен знать, кто отец моей племянницы, – добавил Монброн. – Хотя Мира все верно сказала. Тут я неправ, неверный тон с самого начала взял, вот ты и подумал, наверное, что-то не то.

– Сволочь он, – выкрикнула Рози. – Гад! Предатель! Девчонке год где-то, да девять месяцев ее вынашивали. Значит, он ее тогда сделал, когда мы в Силистрии были. Мы! Оба! Выбрал момент и, значит, в постель твоей сестрицы нырнул, потаскухи так... Угмп!

Судя по всему, Эбердин зажала моей невесте рот, а по ее невольному вскрику я сделал вывод о том, что разъяренная Рози пустила в ход зубы.

– Де Фюрьи, прошу тебя, выбирай выражения, – помрачнел Гарольд. – Луара уже давно преклонила колени у Престола Владык, и где именно ее душа находится сейчас, ведают только они. Но это не означает, что память о ней тоже мертва. Это была моя сестра, она принадлежала к роду Монбронов Силистрийских, и ты не имеешь права порочить нашу честь. Да, род почти прервался, собственно, я и эта кроха являемся последними его представителями, но...

– Она больше не будет, – пообещала Эбердин. – Рози, не вертись. Потом отрежешь своему фон Руту мужские причиндалы, я даже кинжал свой тебе для этой цели одолжу, поверь.

Ого. Стало быть, невесело моим друзьям в Силистрии пришлось. Если Монбронов вырезали под корень, то дела там еще те творились.

– А Унс? – зачем-то спросил я. – Он как?

– Все мертвы, – буркнул Монброн. – И Унс, и Борн, и наш славный король, который тебе так понравился. От моей страны осталось только ее название, да и то, думаю, ненадолго. Скорее всего, в ближайшее время ее переименуют в Силистрийский Асторг, или в Асторг Силистрийский, уж не знаю, что вернее. Теперь земляки де Фюрьи – хозяева наших бывших морей, земель, виноградников, замков и всего остального. Почти все представители старых фамилий уничтожены. Мы выбрались оттуда чудом, по-иному не скажешь.

– Если бы не Два Серебряка, то и не выбрались бы, – заметил Эль Гракх, который уже отхватил от окорока кусок и теперь его жевал. – Отчаянный был дядька, да помилуют его душу Владыки. Так по нему и не скажешь, а на деле... Ух!

– Долгий рассказ. – Монброн покачал девочку, которая начала сонно похлопывать глазами. – Но прежде...

– Меня зовут Крис, – сказал я, ощущая себя как в детстве, когда я впервые сиганул в воду с Королевского Утеса, что высился над портом Раймилла. Если у мальчишки с улиц моего родного города имелось желание доказать все остальным, что ты чего-то стоишь, то начинать следовало именно с этого. Прыжок с утеса был пропуском в темные подворотни и тайные подземные переходы города. Смог, сиганул – значит, не совсем ты тютя и тряпка, с тобой можно начинать разговор. Постоял, повернулся, ушел прочь – все, ты не свой, ты не наш. И второго

шанса у тебя не будет. Я прыгнул, хоть было очень страшно. Так же, как сейчас. – И я вор. Самый обычный вор из трущоб.

– Ты чего, настоящего фон Рута обокрал, что ли? – изумился Фальк. – Вот дела!

– Да нет, – отмахнулся я от него. – Настоящего убили там, в Раймилле, где я с рождения жил. А меня на его место запихнули.

– Что и требовалось доказать, – с чуть истерическим смешком сообщила всем Миралинда. – Все как Унс сказал. Помните? «То, что ваш приятель не тот, за кого он себя выдает, я сразу понял, как с ним познакомился, только рассказывать никому не стал. Не мое это дело».

Ну да, он же умеет ложь чувствовать. Умел, если вернее...

– Зато ясность появилась, – бодро заметил Эль Гракх. – А то все гадали, кто ты такой есть.

– К Ворону в ученики не рвался, мне просто выбора не оставили, – продолжил я, решив закончить все объяснения здесь и сейчас, причем желательно побыстрее. – Езжай без разговоров, вот и все дела. Ну а дальше вы все знаете сами, чего зря воздух сотрясать? Мы же не разлучались почти никогда.

– Не все! – взвизгнула освободившаяся Роза. – Вон, нашел ведь момент, размножился!

И это она еще не знает о моих шашнях с Амандой. Лишь бы Фальк сейчас чего не брякнул.

– А кто был тот, что все это устроил? – поинтересовался Эль Гракх. – Кто тебе выбора не оставил?

– Гай Петрониус Туллий, – неохотно выдал из себя я. – Запугал, гад такой, одним заклинанием крови. Мол, если я дернусь, то тут мне и конец, сожжет меня магия дотла. Убедительно все сделал, я ему почти до третьего года обучения верил, между прочим, пока сам во всем не разобрался. Но помогать – не помогал. И учителя не предал, поклянусь чем хотите! А потом вообще все ему рассказал.

– Я тоже, – мягко произнесла Магдалена. – Меня к нему Эвангелин послала. Эта госпожа, знаешь ли, тоже умела убеждать, особенно в той части, которая касается здоровья и жизни родителей. Вроде она мягкая, добрая, а внутри такой стальной стержень! Правда я, в отличие от тебя, на самом деле урожденная ле Февр, но по сути это ничего не меняет.

– А я все равно его Эрастом буду звать, – заявил вдруг Карл. – Я привык. Настоящее это имя, не настоящее – какая разница? Все равно другое не запомню.

– И я, – поддержала его Эбердин. – Да не дергайся ты!

– Хочу назревшую проблему с именами вот этого поганца решить, – просопела Роза. – Нет человека – нет проблемы!

– Угомонись, де Фюрьи, – посоветовал ей Гарольд. – Скажи, кто среди нас безвиновен? Так, чтобы вообще? Никто. Ну случилось и случилось, провели мужчина и женщина вместе одну ночь. Бывает. Он все равно твой, это знают все. Да и если бы не то, что произошло с моей страной и с моей сестрой, про отцовство Эраста никто бы так и не узнал.

Я повернулся к девушке, рвущейся из рук горянки, и кивнул. Та, впрочем, меньше после этого извиваться не стала, но хоть зверский оскал с лица пропал, и на том спасибо.

– Эраст, держи, – сказал Монброн, и когда я снова развернулся к нему, он протянул мне ребенка. – Теперь это твоя ноша. Ты отец, тебе решать ее судьбу, так будет справедливо.

Я не нашелся, что ему ответить, приняв на руки теплый увесистый сверток, в котором причмокивала губами моя дочь.

Наверное, я должен был испытать прилив чувств, мое сердце обязано было налиться нежностью к этому маленькому беззащитному существу, за жизнь которого я теперь несу ответственность, еще стоило бы поблагодарить богов за то, что мой род не прервется, случись чего, но...

Лично я ничего такого не испытал. Абсолютно. Ну ребенок и ребенок, мало ли я их видел? У нас в Раймилле портовые шлюхи каждый год как крольчихи рожали, иные новорож-

денные умудрялись выжить, но большинство умирало, не дотянув до года, и их тела выбрасывали в море, согласно традиции.

А первое, что мне пришло на ум, так это непристойная ругань. Почему? Да потому что не вовремя все это случилось. Куда мы теперь отправимся с вот этим сопящим грузиком, в какие странствия, к каким эльфам?

И Монброн хорош. «На, держи, теперь это твоя головная боль». Друг, называется.

– Ты вино привез? – тем временем строго спросил у Гарольда Фальк. – Ты обещал тогда весной. Мол – небо на землю упадет, а тебе, Карлуша, я винца силистрийского все одно приташу. Понимаю, что пришлось тяжело, опять же – война, но слово Монброна – оно же крепче обстоятельств?

– Привезли, – отозвался Эль Гракх. – Сейчас принесу. Мы лошадей чуть поодаль оставили, от греха. Кто знает, что нас здесь ждало? Точнее – кто? Может, это не вы, а кто-то другой костер разжег.

– А сигнальный круг? – обличительно спросил Фальк. – Его какие-нибудь работники ножа и топора небось не поставят.

– Карл, я уже тебе сказала, что безобразие, сотворенное тобой, сигнальным кругом не назовешь, – рассмеялась Миралинда. – Лучше ничего, чем такое позорище. Эраст, дай Люсиль сюда, что же ты ее как мешок держишь? Уронишь еще нашу девочку!

Врать не стану, я с огромным облегчением выполнил ее просьбу. Наверное, я полюблю эту кроху, но потом, позже. Когда осознаю, что она появилась в моей жизни, свыкнусь с этой мыслью. Слишком все стремительно произошло.

Столь же стремительным вышел рывок Розы, благодаря которому она все же освободилась из стальных объятий Эбердин и оказалась передо мной.

– Хочешь убить – убивай, – предложил ей я. – Знаешь, нет у меня никакой охоты в обозримом будущем ежедневно выслушивать твои колкости и завуалированные упреки по поводу того, что случилось. Да, я провел ночь с сестрой Монброна. Да, эта связь имеет последствия, хотя я сам пока не могу до конца пока понять, как такое вообще возможно. Ребята объяснили кое-что, но это все надо переварить. Потому – давай решим все здесь и сейчас, не откладывая на потом.

– Толковое предложение, – одобрила Магдалена. – Да и нам наблюдать вашу грызню нет никакой охоты. Розы тихо решать проблемы не умеет, она всех вовлечет в данный процесс. Что до меня – я Эраста не одобряю, но и не порицаю. Ну да, вы когда-то связали судьбы перстнями двух душ, но с учетом всего, что произошло, они свою силу давно утратили. Нет рода – нет связи.

– То есть, по-твоему, Магда, он теперь может делать что хочет? – немедленно окрысилась на подругу Розы.

– Нет, разумеется, – передернула плечами девушка. – Ты чего? Но он мужчина, а они создания слабые. Особенно если вина выпьют, оно их невеликий мозг окончательно затуманивает. Мы, женщины, сильнее и умнее, потому должны прощать их слабости.

– Но не потакать им, – уточнила Миралинда. – Это важно.

– Само собой, – согласилась Магдалена. – Не хватало только.

– Скажи вы такое у нас в Панте – и за ваши головы я не дал бы гроша, – деловито заметил Эль Гракх, на плечах которого висели седельные сумки, набитые до отказа. – Это же злоумышление против порядка, заведенного на тверди земной богами и падишахом. Женщина во всем подчиняется мужчине, так ведется от начала времен и так пребудет вовеки.

– Дикие у вас там места, в Панте, – фыркнула Эбердин. – Рассказать такое в наших горах, вот бы девы-воительницы посмеялись!

– Живи, – буркнула Розы. – Но если еще хоть раз, хоть с кем...

– С кем? – погладил я ее по щеке, отчего девушку даже передернуло. – Скажешь тоже!

– Нет, так-то я хотела разок с Эрастом переспать, – сообщила вдруг всем Магдалена, подбросив в огонь ветку. – Seriously. После той заварушки на Востоке, в городке... Как его... Забыла. Там, где мы флот Линдуса сожгли. Но это не личное, а нечто другое. Мы с ним на корабле Раваха-аги как одно целое стали, и я так остро ощутила, как он за меня боится, как оберегает... В общем, если бы мы еще и переспали, то это замкнуло бы некий круг и привело к наступлению полной гармонии. Но, само собой, ничего не случилось, я даже не заикнулась о своих желаниях. А потом уже не надо стало, эйфория прошла, устремления пропали.

– Согласна и понимаю, – признала Роза без тени иронии. – И потом – одно дело ты, другое... Монброн, я промолчу. Лучше тебе не знать, что я думаю о твоей сестре.

– Вот и не говори, – согласился Гарольд, прильнувший спиной к стене. – Лучше не знать, твоя правда.

– А мне знаете что интересно? – снова заговорила Магдалена. – Если бы Эраст со мной переспал, я бы могла забеременеть? Ну, так, в принципе?

– Нет, – помотала головой Роза. – Поверь, имейся такая возможность, то я бы второго или третьего ребенка уже вынашивала!

– Само собой, – повертела пальцем у виска Миралинда. – Вы что несете? Он – да, в каком-то роде самозванец, из-за того Луара и понесла. Но мы-то все настоящие!

– Не только самозванец, – добавил Монброн. – Он еще и игрушка богов, их забава. Говорю же – нам Унс на этот счет много чего порассказал.

– Наверное, потому ему иногда так и везет, – заметил Карл, который, сопя, выковыривал пробку из пузатого меха с вином. – Сколько раз сгинуть мог, а все еще жив!

– Сомнительное счастье, – возразил ему Гарольд. – Ты, Эраст, имей в виду: в какой-то момент боги с тобой могут поступить так же, как дети со своими игрушками. Добро, если просто забудут и забросят в угол. А ведь могут и разломать.

– Так они чего, за мной все время следят? – переполошился я. Раньше подобное высказывание за глупость бы счел или за неудачную шутку, но сейчас, после всего увиденного, мне и в самом деле стало страшно. – Хорош меня уже пугать!

– Ну-ну, ты свою персону не переоценивай, – расхохотался Эль Гракх. – Это он тебе так мстит за то, что случилось, за поруганную честь сестры, за то, что... Монброн, успокойся! Я тоже шучу!

– То-то, – проворчал Гарольд, который как следует перед этим пнул под зад пантарийца. – Я ему мшу за то, что он столько времени нас за нос водил. Ну ладно, на первых годах обучения темнить – это правильно, мы все тогда еще теми идиотами были. Но потом-то можно было сказать? Как будто это что-то для нас изменило бы!

Роза фыркнула, как ежик, бросив на меня столь же колючий взгляд. Похоже, она полностью разделяла мнение Монброна.

– Эраст, с ума не сходи, – посоветовала мне Эбердин. – Сам посуди – на кой ты богам сдался? Ты для них никто, как и любой из нас. Они над тобой потешились, но и только, а после сразу о сделанном забыли. Как, сдается мне, о нашем мире в целом.

– Соглашусь. – Магдалена поворошила длинной обугленной палкой костер. – Потому что не могут мудрые существа, его создатели, безразлично глядеть на все те мерзости, которые в нем творятся. Не имеют они на это права. Но так есть. Вывод? Богам на нас плевать. Ну или они не так мудры, как о них говорят.

– Пусть их, богов, – отмахнулся я. – Чего мы дальше делать станем? Все планы демонам под хвост из-за этой... дочери.

– Не мы, а ты, – заметил Монброн, принимая из рук Карла мех с вином. – Все, мои полномочия как дядюшки выполнены полностью, теперь твоя очередь. Ты отец, тебе думать.

– О чем ты? – у меня под шляпой волосы встали дыбом. – Какой из меня отец? Я не отказываюсь, от нее, конечно, но...

– Попробовал бы ты после ритуала родства это сделать, – хихикнула Миралинда. – Нам его Унс успел показать еще до того, как... До гибели своей, короче. Это магия, ее не обманешь. Да, моя маленькая? Мы уже спим, мы носиком сопим, папу слушаем...

Сюсюканье Миралинды, которая в свое время, не моргнув глазом, могла обречь на страшную смерть десятки кочевников, шокировало не меньше, чем вся эта ситуация, равно как и выражение лиц ее подруг. Я за эти годы разными видел своих соучениц – усталыми, разъяренными, даже испуганными, но умиленными – впервые. Они все еще и губы трубочками вслед за Мирой сложили, даже Эбердин.

Исключение составила только Роза – у нее во взгляде любви к ребятенку не наблюдалось.

Миралинда тем временем достала из напоясного кошелька белый лоскут, в который было завернуто нечто, напоминавшее кукиш, и сунула его в рот Люсиль. Причем перед этим Эль Гракх несомненно привычным жестом добавил в содержимое кукиша молока из фляжки, висевшей у него на боку.

Ребенок зачмокал, не открывая глаз, остальные девушки одновременно растроганно ахнули.

– Мы не можем ее тащить с собой, – продолжил я. – Как вы себе это представляете?

– Никак, – подтвердил Монброн, вытягивая ноги. – Полностью с тобой согласен. Думай, что делать, ты же отец?

– А давайте ее в Халифаты отправим, – предложил вдруг Фальк. – К Агнесс и Эмбер. Там всяко спокойнее, чем здесь, согласитесь? Что? Они за ней приглядят небось, им она тоже не чужая, как-никак дочь Эраста. Кормилицу ей отыщут.

– Ей уже не надо кормилицу, – заметила Миралинда. – Она не грудная.

– Ну тогда горничную, – хмыкнул Карл. – Не знаю я, как правильно надсмотрщик за девочками называется. Меня лично егеря папеньки воспитывали большей частью. Ну и он сам порол под настроение, чтобы ума в голову вложить. Но эту ведь егерям не отдашь, верно?

– Не зря порол, – заметил Монброн. – Идея хорошая, мне она тоже в голову приходила. Вот только есть одно «но». Хоть Линдус Второй с Сафаром и заключил вечный мир, но морские границы все равно закрыты, причем в обе стороны. Так просто, как раньше, в Халифаты не попасть. Есть еще контрабандисты, у де Фюрьи с ними, настолько я помню, дружеские отношения налажены, но чтобы до них добраться, надо отмахать немало миль по побережью. Да и небезопасен этот вариант, согласитесь? Но в первую очередь проблема во времени. Если мы займемся этим, то на наших планах можно ставить крест, а этого не хотелось бы – мне так точно. Очень много долгов накопилось у Империи передо мной, отдавать надо. Впрочем, если фон Рут с де Фюрьи возьмут на себя эту обязанность, то я буду спокоен за племянницу.

– А чего сразу мы? – возмутился я. – Можно подумать, у меня претензий к Ордену и Братству меньше твоего имеется?

Не скажу, что я сильно рвусь воевать, – это не так. Но тащиться по побережным дорогам в компании с писклявым младенцем хотелось еще меньше. Хотя и это было не главное. Я не желаю потом сидеть в Халифатах и гадать, увижу я еще эти рожи когда-нибудь или нет. «Неизвестность – худшая из пыток», – так когда-то мне сказал мастер Гай, любивший во время нашего пути к Кранненхерсту пофилософствовать у костерка. Тогда я в должной мере не оценил правильность данного высказывания, теперь же полностью с ним был согласен.

Если уж сгинем – так все вместе. И если в Халифаты – то тоже всей компанией, на другое я не согласен.

– Меньше, – очень ровно и спокойно ответил мне Монброн. – Поверь, друг, меньше. Если бы ты видел, что творили в моей стране рыцари Асторга на пару с ратниками Линдуса! Что кочевники Халифатов, они просто дети по сравнению с этими поборниками цивилизованности и порядка. «Порядок» – так они называли разоренные дочиста деревни, детей, брошенных в огонь только потому, что те раздражали своими криками отдыхающих отцов-командиров, рас-

пятых на воротах женщин, виновных лишь в том, что не раздвинули ноги перед насильниками. Порядок! Нет, Эраст, у меня теперь счет к Империи куда больше, чем у кого-либо другого. И это я еще свою семью не упомянул.

– Там был кошмар, – очень тихо подтвердила слова моего друга Миралинда. – Мы все повидали многое, и до Халифатов, и после, но лично я никогда не видела столько крови. Она текла по мостовой как река, самая настоящая. Если бы не Люсиль, я бы, наверное, еще там сошла с ума.

– Мы чудом из того городка выбрались, – добавил Эль Гракх. – Как его? Рион вроде. Его жители имели глупость оказать сопротивление сводным полкам Империи и Асторга, за что были казнены на городской площади. Все.

– В смысле – все? – вытаращил глаза Карл.

– Все, – повторил пантарец. – От грудных детей до стариков. Они убили все население города, им перерезали глотки на эшафоте одному за другим. Ну да, работа долгая, утомительная, но имперцев такие мелочи не волнуют, им главное – выполнить отданный приказ. Трупы сваливали в кучи, а кровь текла и текла себе по мостовым. А мы по ней шли.

– Если бы не Унс с его заклятием невидимости, лежать и нам в этих кучах, – шмыгнула носом Эбердин. – Мне, если честно, его сильно не хватает до сих пор. Да, он был псих и жадина, но таким людям любые слабости простить можно.

– Я никуда не поеду, – заявила вдруг насупившаяся Рози. – Если вам надо эту пигалицу переправить за море – пожалуйста, но без меня. Не за тем я из Лесного Края сюда тащилась.

– Де Фюрьи, ты не думай ничего такого, – неожиданно мягко произнес вдруг Монброн. – Да, корона Асторга и его управители оказались редкими сволочами, спору нет, но ты здесь ни при чем совершенно. Как я раньше за тебя любому глотку бы перегрыз, так и сейчас ничего не изменилось. Да и нет среди нас теперь жителей Асторга, Силистрии, еще каких-то держав. Мы все изгои, мы все одинаковы. Вон Эраст вообще непонятно из каких краев родом, я про этот его Раймилл и не слыхал никогда, но лично мне на это плевать. Он был моим названным братом, он им остался. И так пребудет всегда, пока я жив.

Если честно – от сердца отлегло. Кто его, Монброна, знает, он же господин непредсказуемый. Видно же, что обиделся.

– Не брат он тебе, – возразил ему Карл. – С чего бы ему им теперь быть?

– А? – одновременно удивленно посмотрели на него я и Монброн.

– Вы теперь с ним как-то по-другому называетесь, – пояснил тот, отхлебывая вина. – Ну, на шурина он не тянет, брак с твоей сестрицей заключен не был. Короче – я в этом всем не силен. Но через эту кроху вы, выходит, все одно породнились. По-настоящему.

– Ну да, конечно, – признал Гарольд. – Я чего-то и не думал на эту тему даже. Хотя – когда там? Ни одного места на пути не вспомню, к которому не подойдет фраза: «Еле ноги унесли».

Рози вдруг странно так втянула воздух, дернулась всем телом, а после заплакала. Навзрыд, как обиженная кем-то девочка.

Мало того – компанию ей составила внезапно проснувшаяся Люсиль, издавшая не менее жалобный звук в силу всех своих пока невеликих легких.

– Вот тебе и раз, – обескураженно пробасил Карл. – Чего это они?

– Кто их знает? – передернул плечами Монброн. – Ни одному мужчине в мире не дано понять до конца мысли женщин, по этой причине и я до истины доискиваться не стану. Пусть плачут. Хоть что-то их сблизит, уже хорошо. В конце концов, именно де Фюрьи предстоит стать приемной матерью моей племяннице.

– С чего бы? – спросила Рози, всхлипывая и размазывая слезы по щекам.

– А кому еще? – изумился Монброн. – Фон Рута ты от себя никогда не отпустишь, а Люсиль теперь при нем будет, как и должно в подобных случаях.

– Воистину – шутка богов, – выдохнула Рози. – По-другому не скажешь!

– Слушайте, может, мы ее к моему батюшке отправим? – предложил тут Карл. – Одной девчонкой в доме больше, одной меньше – велика ли разница? Эраст ему по душе пришелся, неужто он его не уважит, за этой крохой не присмотрит? Ну а если мы все того... Все одно воспитает, за хорошего человека потом замуж отдаст.

Это да, барону Хицкварту в подобном вопросе можно доверять. Вот только...

– Карл, сколько добираться до твоего отца? – уточнила Миралинда. – А обратно? Тогда уж проще в Халифаты, по времени то же и выходит. Нет, могли бы мы с Магдаленой попробовать, на войне от нас особого толку не будет, это всем известно. Но и в дороге, случись что, мы запросто сгинуть способны. И малышку погубить, что самое страшное.

Лукавит наша подруга, лукавит. Никакие они не бестолковые, в нужный момент не хуже других убивают. А то и получше, если сравнивать, например, с Фришей. Просто и они не хотят странствовать по отдельности, вот какая штука, даже если дорога ведет прочь от крови и войны.

Мы слишком сильно привязались друг к другу. В этом наша сила. Но и слабость – тоже. Я давно это понял, но именно сейчас осознал, насколько верны мои предположения.

Люсиль никак не хотела угомониться, она снова и снова пискляво тянула одну ноту, жалуясь на какую-то свою детскую беду.

– Чего она так орет? – не выдержал Карл. – Может, ей еще пожрать дать?

– Все же какие бестолковые эти благородные, – раздался из темноты девичий голос. – Ребенок обделался, скоро глотку надорвет, а они все о еде толкуют!

Глава третья

– А то без тебя не сообразила бы! – язвительно заметила Миралинда не моргнув глазом. – Одна ты у нас умная!

– Уж не дура, – не полезла за словом в карман Фриша, голос которой мы все, само собой, сразу узнали. – Не сомневайся.

Они вышли из ночного мрака, окончательно сгустившегося над развалинами, один за другим – Мартин, Жакоб, Фриша.

Все-таки мы собрались вместе – все, кто уцелел тогда у переправы. Вопреки всему уцелел.

– Шикарно выглядите, – сообщил Карл вновь прибывшим и полез обниматься с Фришей. – По-богатому!

И правда, эта троица более всего смахивала на зажиточных дворян, а не на лесных разбойников, которыми, по сути, и являлась. Камзолы с изысканной вышивкой, дорогие шелковые плащи с меховым подбоем, толстые золотые цепи на шеях мужчин, серьги с розовым жемчугом в ушах Фриши, перстни с поблескивающими драгоценными камнями на пальцах... В общем – впечатляло.

– Есть такое, – не стал спорить Мартин, смахнув несуществующую пылинку с плеча. – Приоделись за прошедший год, да и благосостояние свое поправили неплохо. Империя, знаете ли, нуждается в деньгах, которые она особенно резво начала трясти с земель, которые раньше назывались «герцогствами». Те-то в старые времена никому ничего не платили, жирок на боках у них изрядный вырос, вот Линдус его и решил немного подтопить. Как тут удержаться и не отщипнуть крошку-другую от такого пирожка? Обозы-то с добром по лесным дорогам едут, других нет. А лес – это уже наша территория, там мы хозяева.

– А, так вы не разбойничали, а взымали дорожную пошлину? – не удержалась от колкости де Фюрьи. – Это в корне меняет дело!

– Называй как хочешь, – разрешил ей Мартин, усаживаясь рядом со мной. – Главное – результат.

В этот момент ребенок, перепеленатый Миралиндой, весело загукал, словно подтверждая его слова.

– Не могу не спросить, – Фриша подошла к Миралинде, которая знай покачивала девочку на руках. – Это кто? И самое главное – зачем? Или что-то изменилось, мы уже никуда не идем, просто посидим у костерка, поболтаем и разойдемся?

– Это Люсиль, – дружелюбно ответила ей Магдалена вместо подруги. – Дочь Эраста.

Фриша от удивления остолбенела, открыла рот, несомненно, желая что-то сказать, но, как видно, не нашла слов, после повернулась к Розе и развела руки в стороны, давая понять собравшимся, что она в шоке.

– Нет-нет-нет, – снова начала заводится моя избранница. – Это не мой ребенок! Не мой! Это подарок богов вот этому негодяю!

– Совсем непонятно, – пожаловался Жакоб Карлу.

– И не говори, – протянул ему ломоть ветчины с куском хлеба Фальк. – Сам сижу, глазами хлопаю. Короче – не бери в голову, они и без нас разберутся.

Прозвучало данное утверждение весьма оптимистично, вот только на деле все обстояло не так весело.

– Дела... – Мартин снял шляпу и взъерошил волосы. – Чудны пути богов и их проказы. Вот только мы через горы с этим подарком не пройдем, это точно. Вернее – не перенесет дите похода. Там холодно, и людских поселений почти совсем нет, разве что в предгорьях. А наверху, на перевале, только гнома встретить возможно, да еще и неизвестно, к добру ли такая

встреча. Они, гномы, разные бывают. В общем – если не от простуды, то от голода девчушка умрет неминуемо. Ее же солониной и сухарями не накормишь, ей молоко нужно. Ну или чего там такая мелкота в пищу употребляет?

– Так и есть, – покивала Фриша. – Мы кое с кем за этот год пообщались из лесных работников, много чего узнали. У нас ведь там разный народ имелся, встречались и те, кто вволю по Серым Горам полазал. Скверные там места, недружелюбные. Не хуже тех, где мы уже бывали, но все равно тащить туда ребенка смерти подобно.

– И что делать? – растерянно спросил я. – Ну не в Халифаты же Люсиль отправлять, в самом деле?

– А давайте ее к нам в лес спровадим? – предложил вдруг Мартин. – Почему нет? Лето на носу, самое то выходит. Свежий воздух, чужие там не ходят, да и с молочком сложностей не возникнет. Я своим людям скажу, они все что надо для нее добудут. Ну и вообще присмотрят.

– Так-то до твоих лесов куда ближе, чем до Халифатов, – задумчиво произнес Гарольд. – Дней десять мы на этом потеряем, не более.

– Вообще ничего не потеряем, – отмахнулась Фриша. – Мы не одни приехали, милях в трех отсюда дюжина крепких парней осталась. Мы же не знали – прибудет кто из вас сюда, нет, потому взяли с собой бойцов, чтобы, значит, если что – не с пустыми руками домой вернуться. Через два дня обоз одного купца по дороге из Талькстада пойдет, он шелк везет в Форнасион на продажу. Толстопуз этот ученый уже, владения наши обогнул по дуге, подлюка такая, но это не значит, что ему не придется заплатить лесную пошлину.

– Шелк – хороший товар, – заметила Роза. – Дорогой.

– Именно, – подмигнула ей Фриша и рассмеялась.

– Я останусь с Люсиль, – заявила вдруг Миралинда. – Хоть кем меня считайте, хоть что думайте. Не могу я ее чужим людям отдать. А если она заболит? Или еще что-то случится? И потом – я Луаре обещание дала, его исполнять надо.

Магдалена кинула на подругу короткий взгляд, но говорить ничего не стала. Промолчала.

– Правильное решение, – одобрил ее слова Мартин, а после и Гарольд согласно кивнул. – Опять же, моим парням поможешь кое в каких вопросах. Насколько я помню, ты довольно неплохая лекарка?

– Разумно, – решил влезть в разговор и я. – Так нам всем спокойнее будет.

Отличный вариант. Отличный. А то я уж и не знал, что дальше делать стану. Отцовские чувства к этому ребенку в моей душе так и не проснулись, но свою долю ответственности за его существование я при всем этом собирался нести честно. Вот только эта доля лежала в стороне от тех путей, которыми отправятся мои друзья, и этот факт мне очень, очень не нравился.

А тут все так чудно складывается. Да и присмотрит Миралинда за маленькой Люсиль точно лучше, чем я.

– Мартин, надо будет ребятам сказать, чтобы они ее на дальней заимке поселили, у больших оврагов, – предложила Фриша. – Места там глухие, не зная дороги, никто не доберется. В лагере ей делать нечего. Да и... Ну, ты понял?

– «Да и...» – что? – уточнила Эбердин.

– Никто не любит обнаруживать в своем кармане чужую руку, – неохотно ответил Мартин. – Линдус от этого тоже не в восторге. Тем более что мы не только грабили, но и убивали. Много убивали. Купцов там, маркитантов, стражников наемных не трогали, если те сами не нарывались. Кровь лить – дело нехитрое, но если палку перегнуть, то добра не жди. Да и смысл? Тут больше себе навредишь, чем кому другому. Это как с лисой получится – если она слишком часто навещается к крестьянину в курятник, то раньше или позже у ее норы задымятся костры. Но вот имперцев не жалели, сразу под нож пускали.

– А потом, с месяц назад, нарвались на обоз-«обманку», – невесело пробасил Жакоб. – Здорово тогда нас потрепали.

– Верно, – вздохнул Мартин. – Я ни на секунду не заподозрил ловушку. Всегда был осторожным, а тут... Короче – все бы ничего, но там помимо гвардейцев Линдуса еще и маги оказались. Аж целых четыре!

– Ого! – гукнул Фальк – Хорошо за вас взялись.

– На наше счастье, маги оказались не из лучших, – добавила Фриша, сплюнув. – Так, вчерашние ученики, без военного опыта, нам в подметки не годятся. Но две дюжины наших парней уложить успели, прежде чем мы их схомутали.

– Да, потрепали тогда шайку, – вздохнул Мартин, почесывая подбородок. – Единственный плюс – много чего эти маги порассказали перед тем, как мы их прикончили.

– Как птички щебетали! – подтвердила Фриша и облизала губы розовым язычком. – Нет, сначала молчали, героев разыгрывали, но я потом с ними поговорила: одного из четырех на глазах остальных выпотрошила, как свинью, и так они запели, так запели!

– Чего она с ними творила! Даже мне не по себе стало, – громко шепнул Карлу Жакоб. – Кровищи было ужас сколько!

– Так и пользы не меньше! – назидательно произнес Мартин. – И самое главное – этот старый пес Альдин в том году нам абсолютно верный расклад дал. Настолько, что я засомневался в том, что это была лишь его догадка. Сдается мне, он что-то знал еще тогда. Повторю – не догадывался, не предполагал, а точно был уверен в сказанном. Или это даже не знания были, а и вовсе хороший и большой план, в котором все мы, включая наставника, упокой боги его душу, лишь маленькая деталька. Короче – Братство под руководством патриарха Туллия и Орден Истины во главе с аж самим иерархом уже отбыли в сторону Медона. Если немного точнее – границ бывших королевств Фольдштейна и Сезии. Старые владения Меллобара теперь не рубеж между людьми и эльфами, а глубокий тыл. Император велел этой парочке вернуть захваченные территории, выбить ушастых за Луанну, а в идеале – уничтожить их всех, включая его эльфийское величество. Дескать – земля для людей, эльфы на ней лишние. А если они с поставленной задачей не справятся, то, выходит, зря Братство и Орден народный хлебушек едят. Ну а кто покажет лучшие успехи, того императорская власть обласкает и возвысит над остальными.

– То есть, выходит, нам можно вообще ничего не делать? – хмыкнула Роза. – Получается, мы все зря тут собрались? Что вы на меня так смотрите? Они же теперь станут друг друга поедом есть, а победителя в этом противостоянии не будет. Его Линдус сразу по возвращении уничтожит.

– Так-то оно так, но нам с этого всего радости никакой, – протянул к костру руки Мартин. – Знаешь, де Фюрьи, у меня очень мало принципов. Их, можно сказать, вовсе нет. Наследственность, да и то, чем я до обучения у Ворона занимался, их появлению не способствовали, потому я дорожу тем, что имею. И главное правило, которому я следую, – никогда никому ничего не прощать. Никогда я от него не отклоняюсь. Никогда.

– Совсем-совсем? – уточнил, усмехнувшись, Гарольд.

– В любом правиле есть исключения, – не стал отводить взгляд Мартин. – Наша с тобой кровь смешалась в боях, когда мы плечом к плечу стояли, и все взаимные долги смыла, так что бывшие разногласия теперь не в счет. Но эти крысы должны заплатить как за то, что они сделали с нашим учителем, так и за смерть моих... наших друзей. Мне заплатить, а не какому-то там Линдусу.

– Нам, – поправил его Фальк.

– Нам, – согласился Мартин. – Потому мы здесь. Да и вы, полагаю, тоже.

– Как-то так, – пробасил Карл.

– Мне вообще больше идти некуда, – сообщил присутствующим Монброн. – Я теперь бездомный. Титул – и тот стал условностью. Нет королевства – нет сословной знати, все пришло

к абсолютному нулю. Шпага, десяток золотых, племянница и вы – вот все, что осталось от прежней жизни. Больше ничего нет.

– А как же месть? – напомнил ему Мартин. – Про нее что не сказал?

– Так это уже часть меня самого, – пояснил Гарольд. – С таким же успехом можно руки и ноги в список включить. Правда, не вполне ясно, чем заниматься после того, как все, кто должен, получают по заслугам. Впору в наемники идти или вон к тебе в шайку проситься.

– Если живы будем, что-нибудь придумаем, – заверила его Роза. – Вы лучше мне скажите – с этой вот писклявой мы все решили? Отправляем ее к этим... Как их... Большим оврагам?

– Как отец решит, – уставился на меня Гарольд. – Что молчишь, Эраст?

– Не с собой же малую тащить? – откашлявшись, произнес я. – Тем более что Миралинда согласна с ней остаться. Чужим людям ее не доверишь, это ясно, но тут душа спокойна будет. У всех, не только у меня. И ты, Монброн, не делай вид, что, мол, «груз с плеч сбросил, теперь мне все едино».

– Верно. – Фальк подошел к малышке, снова дремлющей на руках нашей подруги, и сделал ей «козу», совершенно не озаботившись тем, что Люсиль ее не видит. – У-у-у-у! Дядюшка Карл сразу полюбил эту кроху. Знаете, я, пожалуй, ее своей наследницей сделаю. Мне же какая-то часть папашиных владений все одно отойдет? Других детей в нашей компании не предвидится, пусть она все и получит после моей смерти. Подрастет – все не бесприданница будет.

– Не самая плохая идея, – задумчиво сообщила всем Магдалена. – Лучше уж ей мои деньги достанутся, чем сестрицам с их мужьями. Вряд ли мой родитель разорился, наша семья, хвала богам, золото не близ престолов зарабатывает, а на торговле зерном и мясом. Чем хуже политическая обстановка в Рагеллоне, тем лучше у него идут дела. Вот только как бумаги на это все оформить? И где?

Роза ничего не стала говорить, хотя как раз ей-то было чем похвастать в этой ситуации. Ясное дело, что семейное состояние, несомненно, неприлично увеличившееся за последнее время за счет предательств, убийств и разрешенного законом разбоя, со свистом пролетело мимо ее точеного носика, но в Халифатах осталось много всего такого, что позволило бы не то что Люсиль, но и всем остальным еще долго не думать о хлебе насущном.

Но она молчала, не вступая в беседу. Как видно, сильно на меня обиделась.

И когда все уgomонились, не отвела меня в сторонку, чтобы отвести душу в ругани. Даже утром, когда мы пустились в путь, знай только беседовала с Эбердин, что-то тихонько у нее спрашивая.

Впрочем, я, привычный к подобным переменам ее настроения, не сильно обращал на все это внимание. Меня больше занимала беседа, которую вели Мартин и Гарольд.

– Какую-то часть пути мы спокойно можем проделать не по холмам, а по нормальной дороге, – толковывал новоявленный атаман лесных разбойников Монброн. – Поверь, это так. В ином трактире найдешь неприятностей больше, чем на торном пути из Форнасиона в Талькстад.

– Не знаю, не знаю, – морщился Гарольд. – Раньше путешествие по прямым дорогам в этих краях для нас всегда заканчивалось заварушкой.

– Раньше нас тут все с фонарями искали, – заметила Фриша, запахивая поплотнее плащ, поскольку денек нынче выдался по погоде не сильно весенний. Вроде и солнышко в небе стояло, а холод при этом был такой, что пальцы замерзали. – А сейчас мы никому не нужны, просто потому что никто про нас уже не помнит.

– Да ладно? – то ли возмутилась, то ли обрадовалась Магдалена.

– Под юбкой прохладно, – парировала простолюдинка. – Первые месяцы чернецы сновали по этим землям изрядно, это да. И нас искали, и других магов из числа тех, кто смог улизнуть во время резни. Иные даже находили!

Троица разбойников разразилась смехом, из которого следовало, что ничегошеньки хорошего удачливых поисковиков явно не ждало.

– Так вот, – отсмеявшись, продолжил уже Мартин. – Она права – искали. А потом – прекратили. Уцелей тогда Ворон – возможно, волна не схлынула бы, он для них был очень опасен. Наш учитель, кто бы что ни говорил, много дел даже в бегах мог натворить. Ну а так – что мы им? Кучка недоучек, которые под какие-то камни, что та ящерка, забились и сами нос оттуда не высунут. Что ты морщишься, де Фюрьи? Так и есть. Вы в лесах, мы в лесах, Монброн вон вообще за морями.

– Так, может, тогда мы и в горы не полезем? – предложила Магдалена. – Прямо по дорогам, по трактам...

– Не получится, – покачал головой Мартин. – Это здесь они безопасны – ни постов, ни дозоров. Ну минуем Талькстад, свернем на старую Нирскую дорогу, потом Раухские холмы минуем – и все, тишина-покой кончились, там все по-другому обстоит. Так-то, кто хотел свалить в эльфийские владения, еще осенью-зимой туда подался, – это факт. Но и сейчас народ нет-нет да и рванет куда подальше от новых порядков, особенно из бывших герцогств, их-то Империя последними начала под себя гнуть. Ну я говорил уже про это. Линдусу такое, ясное дело, ни к чему, он же не дурак и понимает, что все, кто бежит отсюда, потом с оружием в руках против него встанут. Вот и ловят их там со всем усердием и прилежанием. Причем почти все отряды застав из хороших вояк состоят, большей частью гвардейцев Айронта, да еще и маги при них имеются, из Светлого Братства. И даже следопыты – это на тот случай, если отряд беглецов через заставу все же прорвется. Места там населенные, тишком пройти сложно будет. Да и местные жители таких, как мы, высматривают в оба глаза. Видок, сообщивший о беглецах из Империи, хорошую награду от короны получает.

– К тому же так быстрее, – добавил Жакоб. – Сами же говорили, что время поджигает. Мы только по Нирской дороге будем недели две-три шкандыбать, пыль глотать. Горы не пряник, перевал Карах не сахар, но зато оттуда мы прямо в Долину Ста Роз спустимся.

– Даже не то что поджигает, а... – Монброн поморщился. – Если мы пожалуем к эльфам после того, как Туллий с чернецами начнут давать им жизни, то нам и слова могут не дать сказать, просто нашьпигуют стрелами как шпионов Империи, да и все.

– Они подобное и до прихода имперцев проделать в состоянии, – язвительно заметила Роза. – Без особых сомнений. Эльфы не жалуют людей.

– Не жалуют, – подтвердил Мартин. – Но на службу берут куда охотней, чем раньше. Им нравится, когда одни люди других за их интересы убивают. И полезно, и удобно, и для самолюбия приятно. Ушастые те еще сволочи, это всем известно. Если бы наши интересы не совпадали, их глотки я бы резал с неменьшей охотой, чем служителей Ордена Истины. Хотя если нам повезет и мы выберемся из этой истории целыми, то я десяток-другой эльфов напоследок непременно порешу. На сладкое.

– Благая идея, – чуть прищипил лошадь Эль Гракх. – Я в этом деле с тобой. Никогда они мне не нравились. У нас в Панте, если кто не знает, с давних времен имеет место быть эльфийское поселение, одно-единственное на все побережье. Два десятка семей там с давних времен проживают, сады яблоневые они держат.

– Эльфийские яблоки из Панта, – мечтательно прищурилась Роза. – Один из самых дорогих товаров Рагеллона. Они даруют исцеление от массы болезней и возвращают женщинам украденную прошедшими годами красоту.

– Дорогие небось? – щелкнула языком Фриша.

– Пятьсот мер золота, – хмыкнула Роза. – Непонятно? Яблоко клали на ювелирные весы, цена составляла пятьсот мер от его первоначального веса.

– Это у вас, – мрачно буркнул Эль Гракх. – А у нас за них платили кровью. Эльфы никогда не лезли в драку, но что они творили с теми, кто залезал в их сад! Ладно воры, их не жалко. Но они даже для детей снисхождения не делали, хотя те просто по малолетству глупили. Смелость проверяли или на подначки велись, как оно водится в юные годы. Ясно же, что нет в них корысти! И все равно – сдирали заживо с мальчишек кожу или отдавали на съедение красным муравьям, а головы потом на колья ограды, стоящей вокруг сада, надевали. Родители их тела просили, чтобы по обряду похоронить, так они отдавали им пару костей, как для издевки. И не придерешься ведь, все по закону: хозяин может поступать с пойманным в его владениях вором так, как сочтет нужным, и не будет за это наказан властями. Да и владельцы Панта не дали бы их тронуть – они получали корзину яблок ежегодно, не считая немалой пошлины с общины.

Много разного я про ушастых слышал, но этот рассказ впечатлял. К славным существам едем на службу наниматься, таких работодателей у нас еще, пожалуй, не было.

А вскоре, через пару дней, мы расстались с Миралиндой и Люсиль. Их ждала дорога к переправе и лесам бывших герцогств под присмотром вооруженных до зубов крепких ребят в кожаных жилетах и черных плащах, а нам пришлось время сворачивать в сторону и снова странствовать по холмам Лиройских Пустошей, на этот раз, правда, держа путь в сторону Серых Гор, на главных пиках которых, по слухам, никто никогда не бывал, поскольку те находятся выше самых высоких облаков и упираются прямым в Престол Владык.

– Не перекармливай, – строго говорила Миралинде Эбердин. – Помни – в ней от Эраста половина, остальное от Монбронов, а они здоровы жрать в три горла.

– Эби! – поморщился Гарольд. – Что ты несешь? Когда я жрал в три горла?

– Ты – нет, – согласилась горянка. – А вот сестрицы твои... Сиживала я с ними за одним столом, видела!

Стало быть, все же помирился мой друг со своим семейством, коли его друзей снова на порог пустили. Или та опала только на меня распространялась?

– Держи. – Мартин протянул Миралинде туго набитый кошель. – Не сомневайся, тебя мои молодцы всем будут снабжать – молочко там для малой, хлебушек, крупы, мясо. Я распорядился. Но золото лишним не бывает, сама знаешь. И помни – недалеко от сторожки, в кустах, есть спуск в овраги, лаз из подпола ведет прямо к нему. Про этот отнорок никто не знает, кроме нас троих. Его Жакоб вырыл. Не поленись, найди, пролезь хоть разок, чтобы понять, что к чему. Тебе ясно?

– Семь демонов Зарху, – выругалась вдруг Роза, чем немало меня удивила. Никогда не слышал из ее уст свою любимую присловку. – На, держи!

Она протянула Миралинде один из своих перстней.

– Мне Мартин золота дал больше, чем у нас на всех в Силистрии было, – потрянула кошельком девушка. – Куда еще это?

– Какая ты глупая, – постучала ей по лбу пальцем де Фюрьи. – Это не на продажу. Это надо будет показать в порту... Дай на ухо шепну, а то вон эти все стоят, аж рты раскрыли от любопытства!

«Эти все» – здесь она нас имела в виду. Просто бойцы Мартина деликатно ждали в сторонке, лишённые возможности слышать то, о чем ведутся речи, потому иных вариантов не имелось.

Последним прощался я. Не скажу, что сердце защемило, когда я взял на руки Люсиль, но та вдруг разулыбалась своим не сильно пока зубастым ртом, протянула ко мне маленькие ладошки, провела ими по моим щекам...

Не знаю, как называется то тепло, что разлилось внутри от этого всего. Может, это и есть пресловутые отцовские чувства? И еще. Я своего папашу знать не знал, но всегда в глубине

души ненавидел за то, что его не было рядом тогда, когда он мне был нужен. Проще говоря – никогда.

И чем я теперь лучше него? Ведь могу остаться, оберегать Люсиль от бед, из которых состоит этот свет, видеть, как она растет, как в ее глазах появляется разум, радоваться маленьким победам, расстраиваться из-за неудач, и никто из моих собратьев меня не осудит, все примут такое решение как должное. Тем более что наше путешествие является безумием с любой точки зрения. В первую очередь потому, что оно не имеет какого-либо смысла, как в принципе любая месть. Подозреваю, что, кроме Монброна, никто не сможет дать связного ответа, если ему зададут простой прямой вопрос: «А вы зачем туда вообще едете?».

Больше скажу – никто даже самому себе этот вопрос не задает, чтобы не убедиться в том, что на него ответа нет. И я в том числе. За то, что случилось тогда, прошлой весной? Так давно все прогорело и пеплом подернулось.

Но вот только есть что-то большее, чем голос разума, что-то необъяснимое простыми словами. Оно – внутри, в нас, навсегда. Потому мы тут все и собрались, даже осознавая, насколько нелепы наши устремления.

Вот и выходит, что я немногим лучше своего папаши оказался. Одна надежда на то, что получится вернуться обратно до того момента, когда Миралинде будет задан вопрос:

– А где мой папа?

Ну или на то, что она не слишком уж большим подонком станет меня считать в том случае, если вернуться не получится.

– Подержи, – протянул я малышку Миралинде, после стянул с шеи медальон, полученный мной от Ворона, и нацепил его на шею Люсиль. – Пусть у нее останется. Тем более что мне ей больше и нечего передать. Это все, что есть, не считая оружия.

Вообще-то у меня еще имелся медальон, подаренный Агриппой, но это совсем уж другое. Зачем он ей?

Коня после прощания я пришпорил первым и оборачиваться не стал. Нет-нет, никаких комков в горле, никаких «не выдержу и поеду к ним», ничего такого. Просто не хотелось – и все.

– Миралинда стала бы хорошей матерью, – заметил Гарольд, пристраивая свою лошадь рядом с моей. – Она за Люсиль всю дорогу ходила, как-то даже три ночи не спала. Вообще глаз не сомкнула. Море беспокойное было, когда мы из Силистрии уносили ноги, малышка качку не очень хорошо переносила. Так что ты не переживай.

– А как Луара погибла? – спросил я у него, чтобы как-нибудь перевести тему.

– Глупо, – помрачнел мой друг. – Отряд, к которому мы примкнули, хотел пробиться к побережью, причем нам повезло, мы смогли прорвать оборону имперцев. Почти ушли, и вот тут – арбалетный болт, причем на излете. Он перебил ей позвоночник и кишки порвал. Одно хорошо – боли после этого она не чувствовала совершенно.

– Позвоночник, – пробормотал я. – Не уверен, что даже мессир Скорсезе смог бы ей помочь. Да и Крету тоже.

– Кто знает? – пожал плечами Гарольд. – Они были мастера, да упокоятся их души, многое умели, многое знали. Эбердин лучшая из нас по врачебной части, но она сразу признала, что бессильна. Собственно, тогда Лу все рассказала о тебе, себе и Люсиль. Спешила, как видно, боялась не успеть до того, как умрет. И правильно сделала, поскольку отправилась к Престолу Владык еще до вечера того же дня.

Больше я у него ничего не спрашивал, а он не спешил рассказывать. Да и зачем? Без слов было ясно, насколько тяжело моим друзьям пришлось в их странствии. То, что все вернулись обратно, уже чудо.

Да и вообще особых разговоров, столь привычных для нас раньше, было немного. Ехали большей частью молча, наслаждаясь наконец-то пришедшим в мир теплом весны, глаза на радующие взор свежей зеленью холмы и становившиеся все ближе и ближе горы.

Лично я оживился только один раз, когда слева от нас появились руины, которые показались мне смутно знакомыми.

– Слушай, Карл, а это не здесь мы тогда грозу пережидали? – обратился я к Фальку, методично пережевывающему полоску сушеной говядины, по вкусу и прочности более всего похожую на подметку сапога. – Когда на первых вакациях по поручению наставника в Халифаты мотались?

– Они, – подтвердила вместо него Фриша и поежилась. – Аж мороз по спине прошел! Жуткая была ночка, мне потом эти руины еще долго снились. И призраки!

– Тебе-то с чего? – возмутился Монброн. – Вы все дрыхли без задних ног – и ты, и Луиза, и де Лакруа, и все остальные. Знай сопели в две дырочки. С ними Аманда, я да вон фон Рут общались.

– Зато потом все в красках расписали, – заявила Фриша и поежилась. – И вообще хорошо, что спала. Я ведь очень смелая, но призраков боюсь. Их непонятно, как убивать.

– Там у правой стены, недалеко от входа, под камнями шпага спрятана, – зачем-то сказал я. – Та, что в бою взята у разбойников, помните? Хорошая такая шпага, старой работы. Дорогая, наверное.

– Помню ее, – наконец справился с говядиной Карл. – Чего, поедем заберем?

– Зачем? – немного удивился я. – Что мне с двумя шпагами делать? Да и потом – вечером начинается, пока туда доберемся, пока я ее найду, смеркаться начнет. Один раз нам повезло, но во второй такого может и не случиться. Кто знает, будут ли эти призраки снова благодушно настроены? Так что – лежит она там, и пусть ее. Лучше до темноты вон до того холма добраться, там и заночуем.

Фальк забросил в рот еще одну полоску мяса и задвигал челюстями.

– А мне никто эту историю толком и не рассказывал, – заявила вдруг Роза и впервые за последние дни пристроила свою лошадь рядом с моей. – Что за призраки, давай поподробнее?

– Охота тебе на ночь глядя о таком слушать, – опасливо глянул я на не такие уж далекие развалины. – Давай потом расскажу, когда поближе к горам окажемся?

– Так до них еще ехать и ехать, – Роза приложила ладонь ко лбу. – Вон они где. Так что – не тяни, начинай рассказ.

Глава четвертая

Рози оказалась отчасти неправа – у подножия гор мы оказались довольно скоро, но при этом как-то вдруг. В самом прямом смысле. Вроде бы они постоянно далеко от нас были, где-то там, рядом с горизонтом, и на тебе – дорога вдруг начала ощутимо забирать вверх, по бокам от нее появились приземистые деревья, а из-под копыт лошадей то и дело в стороны начали разбегаться шустрые ящери.

А чуть позже и плащи пришлось снова доставать из седельных сумок, поскольку весна с ее наконец-то пришедшим теплом осталась там, в Пустошах. Теперь мы двигались обратно в царство зимней стужи, и чем дальше, тем больше. Хорошо хоть с дровами для вечернего костра особых проблем не возникало, в него шли пусть искривленные, но при этом прекрасно горящие стволы местных деревьев. Как они назывались, никто из нас не ведал, но жар давали такой, что сердце радовалось.

Ради правды, дорогу через перевал сильно сложной вообще-то назвать было трудно. Во-первых, она оказалась вполне недурственной, применительно к данным местам, разумеется. То есть – приемлемо размеченной и более-менее расчищенной от камней. Скажем так – сбиться с нее было почти невозможно, время от времени у меня возникало такое ощущение, что по этой тропе чуть ли не каждый день караваны водят. Даже странно, что мы так никого и не встретили.

Во-вторых, рассказы про камнепады и снежные лавины, похоже, враками оказались. Ну или люди, про них болтающие, какой-то другой дорогой через перевал шли. Мы, по крайней мере, сами ничего такого не видели, и слышать гула рассерженных гор, того, который говорит путешественнику о недалеком бедствии, нам до самого подъема на перевал не довелось.

А до него мы добрались довольно быстро, дней за пять. Дышать здесь было трудновато, воздух оказался здорово разреженным, но зато вид открывался восхитительный! Оно и не странно – с вершины горы, пусть даже не самой главной, мир кажется не таким уж большим и очень спокойным.

За спиной остались луга Пустошей, слившиеся в одно зеленое пятно. Развалины старых замков, реки, стада овец, отсюда вовсе были неразличимы, и даже Форнасион казался лишь светлым облачным росчерком на горизонте. Но назад мы не смотрели, ведь перед нами открывались новые просторы. И пусть под ногами лежала та же дорога, только теперь она вела вниз. Монброн даже пошутил, что по ней мы доберемся либо до исполнения желаний, либо до смерти. Мол, у нас, оказывается, даже есть выбор.

Шутка, признаться, была так себе, о чем Гарольду немедленно заявила Рози. А Жакоба и вовсе перекосило от неудовольствия. Оказывается, в народе бытует поверье о том, что в эдаких местах на подобные темы говорить не стоит. Он еще в бытность свою подмастерьем ювелира об этом от горцев слышал, тех, что рубины его хозяину сбывали. Мол, когда ты в горах, боги от тебя находятся не так далеко, могут услышать сказанное и сделать то, о чем ты говорил. Эбердин, дослушав, презрительно скривилась, но опровергать его слова не стала.

Уж не знаю – на самом деле все так и обстояло или просто кости для нас легли «единицами» вверх, но через день после того, как мы начали спуск вниз, преждевременно предвкусывая переход из зимы обратно в весну, все и произошло.

Обвал начался не вдруг. Сначала под нашими ногами ощутимо колыхнулась каменная плоть горы, заставив покачнуться, а после несколько раз судорожно дрогнула так, что у меня чуть сердце от страха не зашло. Одно дело с живыми существами сражаться, совсем другое – природа. Ее не убьешь и не напугаешь. А вот она запросто может и то и другое сделать, даже того не заметив.

Следом за этим со всех сторон что-то загудело, загромыхало, а после истошно завопила Эбердин, которая, мешая непристойную брань с обычными словами, призвала нас пришпорить

лошадей и спешно гнать их к высоченной скале, что находилась где-то в миле впереди от нас. Еще она отчего-то назвала ее «kozyрьком».

Не знаю, каков смысл в том, чтобы во время землетрясения прятаться под неустойчивым камнем, но в горах она жила, а не я. Ей виднее.

И все бы ничего, если бы мы находились на обычной дороге – луговой там или городской. Но тут – горы, местная тропа для галопа совершенно не приспособлена. Ну да, как я говорил, она была расчищена от камней, но не настолько, чтобы гнать по ней во весь опор.

Вот только выбора у нас особого не имелось. После окрика Эбердин гул стал нарастать все сильнее, и никому из нас вертеть головой по сторонам не взбрело в голову. Мы привыкли смотреть смерти в лицо, но это не значит, что данное действие доставляет нам удовольствие.

Скала, и впрямь оказавшаяся приличных размеров каменным «kozyрьком», под которым на самом деле можно укрыться, была уже совсем недалеко, когда мой конь жалобно, почти как человек, вскрикнул и покатился по камням обочины, раздирая о них шкуру. Все-таки сломал ногу, так я и знал!

Впрочем, мне, в определенном смысле, повезло. «Гнедок» не подмял меня под себя, как иногда случается в подобных случаях, что сейчас было бы равнозначно смерти. Меня вынесло из седла, протащило по камням, но я остался в сознании и даже ничего себе не сломал. Вот только до скалы-убежища было еще далековато, и это совершенно не радовало.

Гул нарастал; казалось, горы смеются над нами, стараясь оглушить прежде того, как их каменные кулаки превратят наши тела в бесформенное месиво.

Первые камни уже крушили деревья близ дороги, мимо меня мчались друзья, которые, возможно, и рады были бы мне помочь, но только как? Хуже того: лошадь Магдалены, похоже, вовсе обезумела от страха перед стихией – я успел отчетливо разглядеть, что девушка ей уже не управляет и животное попросту несется туда, куда ему самому хочется. Впрочем, не самый плохой вариант: природный инстинкт в подобных ситуациях иногда даже полезней, чем человеческий разум. Главное, чтобы с Магдой не случилось то же, что со мной.

– Эраст! – Монброн, привычно замыкавший кавалькаду, осадил рядом со мной своего хрипящего скакуна. – Руку!

Не успел я ее ему протянуть, поскольку в этот миг меня что-то здорово треснуло по затылку и я потерял сознание.

Грохот, грохот, со всех сторон грохот. То ли он есть на самом деле, то ли это в голове у меня мозги, сталкиваясь между собой, устроили такое светопреставление. Да еще вдобавок в районе поясницы колело так, что скоро искры из глаз посыплются от боли. Я, может, потому в себя и пришел.

– Ох ты ж! – простонал я, приподнялся и вытащил из-под себя каменный осколок с острыми как бритва краями. – Хоть бы глядели, куда кладете!

– Очухался, – обрадованно пробасил Жакоб, прижимая окровавленную левую руку к груди. Камзол его, еще недавно щегольской и относительно новый, был изрядно порван, а плаща я и вовсе не наблюдал. – Крепкая у тебя башка, дружище! Если бы мне так прилетело, то все, пиши пропало.

– Поверь, тебе тоже ничего не грозило, – язвительно отозвалась де Фюрьи, на чьих коленях, оказывается, и покоилась моя голова. – У вас всех они чугунные. Камни вмятины на них оставить могут, но разбить – фигушки.

– А вот Магда... – вздохнула Эбердин. – Что? Молчу, молчу...

Похоже, мне опять повезло. Меня все же дотащили до «кармана», хоть я и не представляю, каким образом. Причем без сознания я пробыл недолго, поскольку бедствие, которое доставило нашему отряду столько неприятностей, все еще не кончилось.

Бумммм! По скале, что нас защищала, с громохканиями врезал очередной валун, причем так сильно, что Роза взвизгнула от испуга, а нас всех осыпало каменной крошкой.

– Какая нелепая будет гибель, если скала не выдержит! – расхохотался вдруг Мартин. – Помереть не в бою, не на костре, не от предательства даже! Завалило камнями! Что может быть глупее?

– Смерть от простуды, – бойко ответила Фриша. – Как прошлой зимой случилось с Ларри Вальком.

– Ну, тут нельзя сравнивать, – возразил ей Мартин. – Он по жизни был идиот и умер так же по-дурачки. Это разные вещи.

– Мы вам не мешаем? – осведомилась у этой парочки Роза. – Нет?

– Ты можешь повлиять на происходящее? – усмехнулся Мартин. – Остановить стихию, прекратить камнепад? Нет? Ну так сиди и жди, когда он сам кончится. Или нас прикончит, если опять горы трясти начнет. А пока ни того, ни того не случилось, почему бы не поболтать?

– Вот-вот, – поддакнула ему Фриша.

И еще один удар о скалу, и снова нас обдало каменным крошевом.

Вот в такие моменты и понимаешь, что даже самый-рассамый маг по сравнению с гневом природы – ничто и никто. Ты можешь уничтожить кучу людей одним взмахом руки, обрушить стены крепости, сжечь корабли во время морского боя, но как ты одолеешь саму земную суть? Вот мы. Вроде бы повидали мир и смерть, пусть недоучки, но знаем и умеем куда больше, чем наши сверстники, получившие посохи магов, – и что в результате? Сидим и трясемся, ожидая тишины, говорящей о том, что обвал завершился, потому что ничего с ним сделать не можем. Ни-чего. И никто не сможет, даже мастер Гай. Максимум он создаст вокруг себя «воздушный кокон», непроницаемый для ударов. Но действует эта штука минуты полторы, не дольше, и магической энергии забирает море.

Бум! Бум!

– Твою тетку! – тряхнула головой Эбердин, прижавшаяся спиной к камню. – Да когда же эта ерунда кончится! Впервые такой долгий камнепад вижу, хоть всю жизнь в горах прожила! Чтобы ему пусто было!

И вот тут все стихло. Вдруг. Ни с того ни с сего!

– Раньше это сказать не могла? – возмущенно поинтересовался у нашей лекарки Карл. – Вечно ты только о себе думаешь! Давно бы уже пошли Магдалену разыскивать.

Монброн осторожно вылез из-под скального навеса, повертел головой, а после присвистнул.

– Весело, – сообщил он нам, хлопая себя по ляжкам. – Не каждый день такое увидишь.

Опасливо выбравшись за остальными наружу и потряхивая головой, которая все еще шумела после удара, я огляделся.

Ну да, весело, точнее и не скажешь. Не скажу, что пейзаж вокруг нас совершенно не напоминал тот, что мы видели каких-то два десятка минут назад, нет. Но дел обвал натворил немало. От части деревьев даже щепок не осталось, небольшой ручеек, ранее весело журчавший недалеко от дороги, вовсе перестал существовать, по крайней мере – внешне. Под камнями вода, возможно, и текла себе дальше, но понять, так это или нет, было невозможно.

И от лошадок наших следа почти не осталось, утащили их тела с собой валуны вниз. Несколько кровавых пятен на снегу да подергивающаяся оторванная нога, лежащая поверх здоровенной каменюки, под которой, похоже, покоилось остальное, – вот и все, что напоминало о верных скакунах. А с ними сгинули припасы, смена одежды, куча других полезных предметов. Все-таки хорошо, что я так и не избавился от привычки таскать с собой наплечную сумку, где храню все самое ценное.

Впрочем, возможно, мы найдем туши погибших животных там, внизу, – разумеется, в том случае, если камни не возвели над ними погребальные пирамиды. Может, повезет?

Но не это сейчас главное. Магдалена – ее искать нужно в первую очередь. Ну да, шанс на то, что она осталась живой, ничтожен, но хоть похороним по-людски, благо такая возможность

у нас сейчас есть. Большинству из наших соучеников такого шанса не представилось. Кто из них остался лежать на снегу, кто в песках, кто в лесу.

– Монброн, всеми богами тебя заклинаю, молчи до тех пор, пока мы не доберемся до Долины Ста Роз, – без тени шутки попросила Гарольда Фриша. – Не гневи горы!

– Дойти бы теперь, – проворчал мой друг. – Верхового пути дня на четыре оставалось – пешком всю неделю топать, получается. Что жрать будем? Тут с живностью туго.

– Конину. – Фальк подобрал оторванную лошадиную ногу и набросил ее себе на плечо. – Жестковато мясо, конечно, но голод не тетка. Все, пошли вниз, надо Магду отыскать.

Камни, камни, камни; они были повсюду. Вот вопрос – кто здесь чистит дорогу? Не думаю, что происшествия, подобные тому, которое нас только что чуть не угробило, случаются в этих краях редко. А дорога между тем ранее была вполне себе проходима, не то что теперь.

Ответ нас поджидал в паре миль от того места, где мы укрывались от беды. И не только он: нам повезло также найти и Магдалену. Собственно, она сама подала нам сигнал о своем местонахождении, случайно ли, нарочно – не знаю.

Первую вспышку магического пламени заметил Карл, который бодро топал впереди всех, даже не замечая веса лошадиной ноги, которая меня бы, например, пригнула к земле. Мало того – он еще и по камням время от времени прыгал, словно очень-очень большой плотоядный заяц.

– Никак ле Февр? – гаркнул Фальк, ткнув пальцем куда-то в сторону от дороги. – Вон, глядите!

И верно: справа, за изрядно прореженными лавиной деревцами, сверкнула вторая вспышка, а после раздался некий гвалт, разобрать в котором что-либо было почти невозможно. Так, шум на грани слуха.

– Сдается мне, она там с кем-то воюет, – удивленно сообщила Роза. – Нет, положительно мир сошел с ума! С кем тут можно сражаться? В этих горах даже разбойников нет!

Ну да, Мартин про это несколько раз уже упомянул. Не жалуют «ночные тени» эти края по ряду причин, среди которых не на последнем месте стояли местные жители. Причем те, кто обитает не на поверхности земли, а под ней. Не любят они людей, проще говоря. Терпеть – терпят, пока те просто передвигаются со своими обозами и караванами, но если кто задумает тут задержаться надолго – добра не жди.

Да, это гномы. И именно с ними сцепилась наша подруга.

Первое, на что я обратил внимание, выскочив на довольно просторную, но изрядно захлавленную камнями площадку, – это то, что Магдалене здорово досталось. Одежда подрана, правая нога как-то неестественно искривлена. Отступи она сейчас от стены, к которой прижалась плечом, – так, пожалуй, вовсе упала бы.

Но при этом сдаваться на милость парочке бородатых подгорных коротышек, размахивающих топорами, она не спешила. Отвыкли мы от того, что кто-то нас помилует в случае капитуляции. Что так помирать, что эдак, так лучше уж весело и азартно, чем в муках, кровавом поту и чаде костра.

Причем времени наша соученица зря не теряла. Пара гномов каталась по земле, пытаясь сбить пламя, пожиравшее их кожаные доспехи, один и вовсе лежал ничком, напоминая небольшой земляной бугорок.

– А ну брысь! – Фальк не стал размениваться на магию, он просто попер вперед, размахивая лошадиной ногой, от которой полетели в разные стороны кровавые брызги. – Вот я вас, мелюзга бородатая!

Я про гномов слышал много, но вот видеть их мне до сегодняшнего дня не доводилось. В Раймилле их сроду-роду не было, не жалуют они портовые города отчего-то, а в других я их просто не встречал. Нет, изделия их в руках держал не раз, восхищался тонкостью работы, но вот так, живую созерцать подгорных мастеров не пришлось.

Так что теперь смело можно говорить – я видел все.

И правда ведь они коротышки, мне по пояс будут или даже ниже. Но при этом кряжисты, плечисты, бородаты. Все, как рассказывал Агриппа, который с этим народцем даже какие-то дела мастера Гая обстрипывал. Что-то заказывал для него – то ли камень-навершие для посоха, то ли какой-то особенно ценный амулет. Не помню уже, давно этот разговор был.

Интересно, чего они к нашей Магдалене вообще прицепились? Человеческие женщины их как таковые не интересуют, в драку она точно первой не полезла бы никогда, не та у нее натура. Так в чем тут дело?

Может, вон в том проеме, который более всего напоминает вход в пещеру? Да, точно, он и есть. Там и обломки ворот лежат, которые, сдается, обрушились из-за землетрясения. Удары камней они бы выдержали, видно, что на совесть сделаны, по-гномы, но вот тут – не сдюжили.

Тем временем рассвирепевший Карл молодецкими ударами загнал гномов в темноту пещеры, напоследок плюнув в их сторону. Эль Гракху и Монброну, тоже было взявшимся за оружие, даже помогать ему не пришлось.

– Почтеннейшие! – крикнул Гарольд злобно галдящим в пещере гномам. – Мы не хотим вражды! Все произошедшее – недоразумение, которое желательно предать забвению. Сейчас мы уйдем, и я надеюсь...

– Никуда вы не уйдете! – ухнул голос из темноты. – Вы видели один из входов в наши шахты. Никто из людей о нем знать не должен, так что вас ждет смерть! Вот убьем вас, а после уже ворота починим!

– Вот я сейчас кому-то смертушку обеспечу! – запыхтел от негодования Фальк, снова заноса над головой свое грозное оружие, порядком посеченное бритвенно-острыми топорами гномов. – Мне на пещеру плевать, мне в принципе обидно! Магда, это они тебе ногу повредили?

– С лошади неудачно упала, – охнула девушка, которой уже занималась Эбердин. – Но они меня хотели убить, я слышала.

– Вот же пакостники мелкие! – заорал Фальк и рванулся к темному проему, где злобно блестели глаза подземных жителей. – Ну я вас!

– Стоять, – перехватил его за талию Мартин. – Куда! Порежут тебя там, в тоннелях, на лоскуты, да и все. Там – их мир, ясно?

– Надо что-то делать, – немного нервно и очень тихо проговорил Монброн. – Здесь и сейчас этот конфликт разрешить. Пока день – мы отобьемся, но потом, в ночи, – вряд ли. Мартин прав, это их горы, их владения, тут же наверняка лазов всяких полно. Они просто перебьют нас в темноте, как куропаток, и никакие костры не помогут.

– Так и будет, – подтвердил Мартин. – Я же рассказывал, почему тут охотники за чужим добром не выживают. Вечером вроде все нормально, шайка сидит, ест, пьет, а утром глядь – кострище есть, а вокруг него никого. Было десять человек, остался один. Они всегда одного в живых оставляют, чтобы он остальным донес простую истину – тут людям делать нечего.

– Господа подгорные мастера, нам без надобности знания о ваших тайнах, – миролюбиво проорал Гарольд. – Мы всего лишь путники, которые скоро уйдут из ваших гор навсегда. И забудут о том, что видели.

– Верно, – этот басовитый голос мы ранее не слышали. – Забудете. Так и случится!

Как Эль Гракх успел увернуться от топора, прожужжавшего у него над ухом, – понятия не имею. А вот Жакобу, который пристроился рядом с Карлом, повезло меньше: ему второй такой же здорово бок зацепил, кровь так и хлынула.

Следом за этим из темноты шахты на нас устремилась толпа гномов. Прямо толпа, не меньше четырех десятков бородачей, кровожадно скаливших рты и вращавших выпученными буркалами.

Признаться, картина жутковатая получилась, это в результате и решило дело. Сработали инстинкты, намертво вбитые в нас Вороном и, само собой, никуда не девшиеся за минувший год.

Бегущих впереди смело вниз с площадки заклинание вихря, которое пустил в ход Монброн – он всегда дружил с магией воздуха, она давалась ему проще других. Пяток не менее шустрых бородачей, почти добежавших до осевшего на камни Жакоба с целью порубить его в капусту, вспыхнули, что твои факелы, – это уже Фриша постаралась. Мудреные и объемные заклęcia были не ее коньком, но в таких мелких стычках она работала отменно.

Что до меня – в ход пошли привычные «ножи крови», забирающие мало энергии, но зато крайне эффективные.

Ну и Фальк со своей страховидной дубиной тоже отметился, круша ей головы гномов не хуже какого-нибудь «молота небес».

Дипломатия дипломатией, но когда дело доходит до спасения собственной жизни, все политические мотивы теряют свою актуальность. Ну да, спуск в долину, похоже, теперь превратится в очень и очень непростое предприятие, но шанс на то, что мы до нее дойдем, все же есть. А замешкайся мы сейчас – его бы вовсе не стало.

В глубине шахты загромыхали шаги, блеснули отсветы факелов, послышались команды. Похоже, к уничтоженной нами ватаге гномов спешило пополнение.

– Да в самом-то деле, сколько можно? – сдвинув брови, сообщила нам Роза и после выкрикнула формулу заклęcia.

Воздух перед ней сгустился, принимая форму руны с крайне сложным и тонким плетением знаков – теперь я уже могу это оценить. Ну а что? Мир повидал, работу других магов тоже, так что есть с чем сравнивать. Роза талантлива невероятно, и это свершившийся факт.

Руна, повинувшись движению руки Розы, впиалась в скалу, что нависала над входом в подземелье; та сначала чуть дрогнула, после по ней прошла трещина, и в результате она с жутким грохотом рухнула прямо перед темным зевом пещеры, запечатав проход в нее крепко-накрепко, так что мышь не проскочит.

– Де Фюрьи, ты дура? – повертела пальцем у виска Фриша. – Еще один обвал решила устроить?

– А если бы на ногу? – поддержал ее Фальк.

– Гномы хотели, чтобы о входе никто не знал? – проигнорировала ее слова Роза, обращаясь к нам. – Все, у них нет поводов на нас сердиться. Нет входа – нет проблем.

– Так себе шутка, – заметил Монброн. – Впрочем – не лишено, не лишено. А, нет, смотри-ка, долбят в камень, как мухи о стекло.

И верно – скалу, запечатавшую проход, с той стороны явно пытались то ли расколотить, то ли сдвинуть, причем отчаянно, с остервенением.

– Вот этот гном из непростых, – сказал вдруг Карл, наклонившись над вроде бы дышащим еще бородачом. Его неслабо приложило о стену заклęтием Эль Гракха, но не убило. – Вон какая у него висюлька на груди.

И снова – верно. Амулет с кулак величиной, да еще золотой. Полагаю, не всякий подгорный житель имеет право носить подобное украшение.

– Маги, – просипел гном и, пусть с трудом, но уверенно хлопнул по ладони Карла, цапнувшего амулет. – Худшие из людей!

– Интересно, в Рагеллоне есть хоть кто-то, относящийся к нам пусть не с симпатией, но хотя бы безразлично? – спросила Роза и предупредила дернувшегося Фалька: – Карлуша, это риторический вопрос. Ответа не требуется.

– Вы не воины, – хрипел гном. – Сражаетесь подло!

– Мы вообще не хотели драться, – заметил Гарольд, подходя к гному поближе. – Пытались разойтись миром, забыв о том, что вы первые хотели нас убить. Что же до того, кто как

сражается, – навалиться почти полусотней на десятерых – это, конечно, благороднейшее из деяний. Мало кто отважится на такой подвиг, верно?

Жакоб, боком которого уже занималась Эбердин, бывшая сегодня нарасхват, гулко расхохотался.

– Вы все умрете, – пробубнил гном. – А теперь все, говорить нам не о чем. Хотите убить – валяйте.

– Спорный вопрос, – Гарольд с интересом осмотрел медальон. – Карл, глянь-ка, остался кто еще в живых?

Выжила еще парочка гномов, причем одного Фальк вытащил из кустов, в которых тот застрял.

– Тонкая работа, – Монброн подцепил пальцем брякнувший цепью медальон, не снимая его с шеи гнома, лежавшего с закрытыми глазами. – Поди, не каждому такой положен? Я прав?

– Лучше бы тебе его не трогать, человек, – посоветовал подгорный житель, выдирая из бороды кругляши прошлогоднего репейника. – Это королевский знак.

– Так и думал, – улыбнулся Гарольд. – Стало быть, мы имеем дело с королевским сыном? По сути – принцем?

– Нет у нас принцев, – проворчал его собеседник. – Это ваши, людские дела. Торвальд – младший сын нашего короля, и только. Его величество за него спросит с вас так же, как за любого из нас.

– Но все равно он дороже ему, чем ты или твой приятель, – заявил приободрившийся Мартин. – Родная кровь есть родная кровь.

– Ничего вы не понимаете, люди, – сплюнул гном. – И никогда не поймете.

– Возможно. – Монброн рывком поднял того на ноги. – Увы и ах, ваше высочество, но вам придется прогуляться с нами. Вы теперь наша гарантия безопасности.

Лицо Торвальда скривилось, словно он хотел заплакать, но вместо этого расхохотался.

– Ну-ну, – сквозь смех выдавил он из себя. – Думаете, это вам поможет? Для гнома долг превыше всего. Отец пожертвует мной не думая, уж поверьте.

– Кабы речь шла о защите ваших пещер от внешнего врага – возможно, – поднявшись на ноги, подошел к разговаривающим я. – А тут-то чего? Мы всего лишь путники, которые желают побыстрее покинуть ваши горы и больше никогда сюда не возвращаться. Стоит ли в такой ситуации жертвовать сыном? Ну да, ты не наследник, но все одно – родная кровь. Да и любят младших сыновей куда сильнее, чем старших, не так ли? Баловал тебя папка, поди, в детстве? Верно?

Молчал гном, сопел, глазами хлопал.

– Ну а чтобы твоему отцу легче думалось, мы вот что сделаем, – продолжил я и повернулся к двум пленникам, которые знай лежали на камнях и в беседу не лезли. – Та-а-ак. Жил у Греты жирный гусь, добрый гусь, славный гусь...

Произнося каждое слово старинной считалки, я переводил палец с одного гнома на другого, причем те уже сообразили, что хорошего в этом ничего нет. Догадливые.

– ...оказался на столе, – на последнем слове палец показал на того пленника, что рассказывал о том, кто такой Торвальд есть. – Как звать?

– Мортинн, – пробормотал гном, испуганно таращась на меня.

– Не повезло тебе, Мортинн, – вздохнул я. – Право слово – не повезло. Ни с именем, ни с судьбой. Карл, стяни с него железо, будь любезен. И подкольчужник тоже.

Эти гномы, в отличие от тех, с которыми мы столкнулись в начале, изготовились для боя, сменив кожаные одежды, внешне очень похожие на латы, на добротные тяжелые кольчуги.

Фальк выполнил требуемое без особого труда. Слегка стукнул попробовавшего сопротивляться гнома кулаком по голове, отчего тот слегка обмяк, вытряхнул его из стальной рубашки, а после кинжалом вспорол плотный пропотевший нательник.

– Ты чего задумал? – возмутился его приятель, попробовал вскочить, но был припечатан к земле ногой Эль Гракха. – У нас тут ваши равнинные штучки-дрючки не в чести!

– Помолчал бы, – посоветовал ему я. – Тебе из вашей троицы повезло больше остальных, поверь.

Что интересно – пару лет назад я бы даже не помыслил о том, что собирался сделать. А сейчас мне все равно, нет внутри ни жалости к гному, ни страха перед тем, что за содеянное когда-то придется отвечать. Я просто делаю то, что должно, вот и все. Есть цель, а это лишь средство для ее достижения.

Легкий надрез на ладони, боли от которого я даже не чувствую, поскольку давным-давно к ней привык, с губ слетает привычная формула, капли моей крови падают на обнаженную волосатую грудь гнома, после чего словно впитываются в нее.

И почти сразу после этого подгорный житель начинает истошно орать – так, что даже скрежет за скалой стихает. Похоже, те, кто за ней скребется, его услышали и теперь гадают, что же там такое происходит.

Кстати – а чего они именно тут пытаются пройти? Других выходов нет, что ли? Или, на нашу удачу, самый ближний из них находится отсюда сильно далеко? Впрочем, какая разница. Через пять минут нас тут уже не будет.

Вены на руках гнома разбухли неимоверно и переливаются багрянцем, после это марево перекидывается на грудь. Оно и ясно: вся кровь его теперь – живой огонь, пожирающий бедолагу изнутри. Жуткое все же заклятие, недаром в запретные попало.

Минута – и все кончено: издав последний протяжный вопль, гном выгибается дугой, а после замирает с перекошенным в жутком оскале ртом.

– Как-то так, – я смотрю на гнома, не обращая внимания на своих друзей, которые, похоже, тоже впечатлены увиденным. Ну оно и ясно: при них я подобные вещи сроду в ход не пускал. Ну или им было не до того – война есть война, когда мастерство друг друга оценивать? – А теперь вот что... Так, ты смотри внимательно, понял?

Последние слова я адресовал третьему гному, который пытался отодвинуться подальше от мертвого товарища, словно боялся, что причина смерти последнего на него перекинется. Осознав, что я обращаюсь к нему, подземный житель несколько раз кивнул.

– Итак. – Я достал из сумки пустой флакон, который там лежал с незапамятных времен. – Вот я сцеживаю туда пару капель своей крови. Видишь? Хорошо. А теперь я... Карл, придержи нашего нового друга, хорошо? Так, чтобы не дернулся. Ага. Так вот – теперь я делаю надрез на руке Торвальда, и его кровь отправляется к моей. Немного поболтать, чтобы они смешались, и теперь вот что.

Я шепнул заклятие, багряная жижa в флаконе забурлила, закрутилась спиралью, после замерцала, словно пляшущие снежинки в свете солнца, и снова осела на дно, правда, изменив цвет и став немного искристой.

– Вот, – я подошел к окончательно ошaleвшему пленнику и показал ему флакон. – Видишь? Хорошо. Наши судьбы отныне связаны в одну – моя и сына вашего короля. Умри я или кто-то из моих друзей по вашей вине – и его ждет то же, что и твоего приятеля, только еще хуже. Этот бедолага отмучался быстро, Торвальда же будет ждать долгая, невыносимо болезненная и неотвратимая гибель. Часами его кровь будет прогорать там, внутри, под кожей, и никто ему не сможет помочь.

– Мало вас, магов, там, на равнинах, давили! – выкрикнул Торвальд. – Мало!

– Наоборот – много, – поправил его Эль Гракх – Если бы не давили, на кой бы мы в ваши горы поперлись?

– Когда скала падет и сюда пожалуют те, кто сейчас суется за ней, – Расскажи об услышанном и увиденном, – спокойно попросил я гнома. – Без прикрас, как есть. И передай, что нам не нужна жизнь вашего принца. Ну да, не принца, я помню. Гнома по имени Торвальд. Так

вот – нам вообще ничья жизнь в Серых горах не нужна, нам просто надо добраться до Долины Ста Роз без драк и приключений. Как только мы сойдем с горной тропы на обычную дорогу, Торвальд немедленно получит свободу. Мало того – я уничтожу созданный артефакт на его глазах, чтобы до конца своих дней он спал спокойно. Но это произойдет лишь в том случае, если нам никто не мешает достигнуть цели. И еще – мы хоть и молоды, но повоевать успели, причем презрительно. Да, вас больше, вы знаете свои горы превосходно, но поверь, свои жизни мы отдадим дорого. Вот оно вам надо?

– Я передам все, что услышал, – пообещал гном. – А там пусть старейшины и повелитель решают, как будет дальше.

– Вот и молодец, – похвалил его я. – Гарольд, думаю, нам пора. Магда, ты идти-то сможешь?

Глава пятая

– То есть ты сжульничал? – еще раз уточнила Роза шепотом. – Ты?

– Только не говори, что считала меня молодым человеком с кристально чистой душой, – попросил я ее. – Все равно не поверю.

– Я знала, что ты не очень крепок умом, это да, – без тени шутки сообщила мне девушка. – Знала, что при необходимости способен принять решение, которое не очень-то сочетается с «Уложением о чести благородной». Но не могла предположить, что сможешь провернуть вот такую недурственную аферу, да еще и экспромтом.

Даже не знаю – то ли она меня сейчас похвалила, то ли наоборот, макнула лицом в лужу. А переспрашивать не хочу. После того, что произошло в Пустошах, наши с ней отношения изменились. Не в смысле – прошла любовь и яблоня засохла, нет. Они другие какие-то стали, из них легкость ушла. И радость тоже. Ну, это когда она рядом, и тогда на душе у меня солнышко светит даже в дождливый день.

Роза не стала чужой, но... Семь демонов Зарху, не могу я все это словами объяснить. Не получается. Но так иногда на душе пакостно бывает, что хоть волком вой.

Потому сам по себе факт того, что де Фюрьи со мной говорит, – уже оптимистичен, не стоит его портить лишними вопросами.

А вообще – чудно. Даже представить не мог, что настолько к ней душой прикиплю. Когда она все время рядом была, про это не думалось, а вот отдалилась – и все вокруг серым кажется. Может, это и есть та самая любовь, про которую бродячие музыканты поют?

Что до гнома и его крови, то, конечно же, все проделанное – жульничество. Причем даже не мной придуманное, я у мастера Гая идею спер. Он в свое время меня точно так же обманул и потом еще почти два года на привязи страха держал. Со мной сработало, почему с этими бородатыми недомерками должно сорваться? Небось они не умнее, чем я, да и выглядело все происходящее даже пожутче, чем тогда в портовом сарае. Тут главное, чтобы родитель гнома-заложника не решил, что честь подгорного народа важнее, чем жизнь сына.

Хвала богам, отцовские чувства оказались сильнее, чем долг перед подданными, в чем мы и убедились ближайшей ночью.

Костер мы развели прямо посреди дороги, тем более что она в настоящее время не сильно отличалась от окружающего нас ландшафта. Везде камни, как и положено в горах. Правда, здесь, ниже того места, где нас прихватил обвал, их было уже немного меньше. Полагаю, что через день-два пути мы доберемся до мест, где и вовсе никаких признаков постигшего нас нынешним днем бедствия не будет в помине.

Так вот – прятаться и мерзнуть смысла не имело. Если гномы зададутся целью нас найти и убить, то они это сделают. Горы – их дом, они знают каждую расщелину и пещерку. По этой причине мы даже охранный заклинание не поставили. А смысл?

Потрескивали обломки деревьев, давая плотный жар, шипела и благоухала конина, поджариваясь над пламенем костра, угрюмо молчал Торвальд, не желавший смотреть ни на кого из нас. Короче – отдых усталых путников, все как положено.

– Держи, гноме, – протянул Карл нашему пленнику первую палочку с поджаренным мясом. – Подкрепись. И нечего нос воротить, ясно? Война войной, еда едой. Оголодаешь – медленней идти станешь, еще больше времени в нашей компании придется провести. Оно тебе надо?

– Правильно, – одобрила его слова Эбердин. – А еще лучше, если ты нам какие-нибудь короткие пути через эти горы покажешь. Все только выиграют.

– Короткие пути лежат под землей, они идут сквозь залы, кузни и дома, принадлежащие народу гномов, – поведал нам голос из темноты. Басовитый такой и очень властный. – Вход

для чужаков на эти пути закрыт, и смерть ждет того из нас, кто попробует открыть тайны подгорного мира представителям чужой расы. Любого. Даже сына короля.

– Жаль. – Монброн стянул зубами кусок конины со своего кинжала, в который раз выполнявшего роль вертела. – Просто так вышло бы быстрее. Не могу сказать, что мы в восторге от местных красот. А вы бы присоединились к нашей трапезе, уважаемый. Разносолов нет, но свежая убойна имеется. Конина, не свинина, но все равно чудо как хороша.

– Жаль, вина нет, – причмокнул Карл, подкидывая в костер еще несколько обломков. – Или пива.

Пламя вспыхнуло ярче, и я осознал, что мы находимся в кольце врагов. В самом прямом смысле. Отблески огня блестели на броне десятков гномов, которые стояли плечом к плечу, окружив нашу компанию со всех сторон, и выражение их лиц добрым я бы точно не назвал.

– Увы, человек, я спешил, потому не догадался захватить с собой хмельного напитка, – сообщил нам высокий по меркам этого народа и очень плечистый гном с белоснежно-седой бородой, выходя из темноты и приближаясь к нам. – Как-то не сообразил.

На груди у него болтался амулет, чем-то похожий на тот, которым владел наш пленник, только больше раза в два. Впрочем, и без него всем было ясно, кто именно пожаловал на огонек.

– Ваше величество, – встал с камня Гарольд и отвесил церемонный поклон. – Я от лица моих друзей рад приветствовать вас этим вечером. И повторю свое приглашение – как насчет потрапезничать с нами?

– Мы ведь враги, – заметил король, внимательно вглядываясь в наши лица. – Вы убили моих подданных, причем несколько из них умерли страшно, при посредстве магии.

– Любое разумное существо имеет право защищать свою жизнь, если той грозит опасность, – резонно заметил Монброн. – Не мы начали драку, не мы первые пролили кровь. Более того – до последнего момента пытались избежать кровопролития, но ваши подданные были слишком упрямы и самоуверенны, за что и поплатились. Что же до того, как кто умер... Мы маги, ваше величество. Маги. Как умеем, так и убиваем.

– Это мне известно, – огладил бороду король. – Потому и разговариваем мы сейчас, а не сталью звеним.

– Мы просто хотим спуститься вниз, в долину, – подал голос Мартин. – Как можно быстрее, и желательно без приключений. Чую, этого добра нам позже хватит, причем с избытком.

– Никак к эльфам собрались? – король наконец-то присел на камушек. – Против своих решили пойти? Человеки с их новым Императором и эльфы накрепко сцепились. Насмерть.

Похвальная осведомленность у этого гнома. Как видно, не таким уж особняком подгорный народ обитает, имеет связь с большим миром. Впрочем, они же торгуют с людьми, от них, должно быть, и новости узнают.

– Последние года два такие дела в Рагеллоне творятся, что большинству живущих давно непонятно, кто свои, кто чужие, – без тени улыбки сообщила ему Эбердин. – На родню – и на ту положиться нельзя, она иной раз хуже врага оказывается.

– Чем больше вы перебьете друг друга, тем нам лучше, – не стал кокетничать король. – Когда человек в мире становится очень много, они начинают искать, где бы разжиться чужим добром. И почему-то именно о гномах вспоминают в первую очередь. Так что убивайте подобных себе, мы этому только рады.

– Это дополнительный аргумент для выполнения нижайшей просьбы дать нам возможность спокойно уйти с ваших земель, – растянул рот в улыбке Монброн.

– Мой сын, – королевский палец, украшенный перстнем с невозможно огромным алмазом, уперся в Торвальда, – он будет избавлен от того проклятия, о котором мне поведал оставленный в живых пленник?

– Разумеется, – влез в разговор я. – Поручкой тому мое слово.

– Чего стоит слово человека, да еще и мага? – усмехнулся владыка гномов. – Право, это смешно.

– Других заверений дать не могу, – развел руки в стороны я. – Извините. Ну еще здравый смысл вам в помощь. Прикиньте все вероятности и поймите, что убивать ваше чадо у нас просто интереса никакого нет. Мы ничего от этого не выиграем. Жив он, мертв – нам какая печаль? Мы о нем, да и, уж извините, о вас забудем через десять минут после того, как горы останутся за нашими спинами. У нас свой путь, свои планы, своя судьба, в них гномам места нет.

– Иногда убивают просто для удовольствия, – мрачно сообщил нам гном. – И чаще всего таким грешат именно люди.

– Не везло вам со знакомцами, – пробасил Жакоб. – Теперь ясно, чего ваши вояки в драку лезли, не желая нас слушать.

– Мы не знаем, как сложатся дела в будущем, – перехватил нить разговора Монброн. – Мой друг прав, вряд ли вы надолго займете наши мысли или разговоры. Но вдруг кто-то из нас или все мы снова окажемся здесь? Боги великие шутники, уж нам это точно известно. В этом случае лучше встретить среди скал тех, с кем можно попробовать начать вести диалог, чем тех, кто желает нашей крови без каких-либо разговоров.

– Обещать ничего не стану, – помолчав, сообщил ему король. – Речь о том случае, если вы снова придете в эти пределы. Может, будет беседа, может, будет война. Но сейчас вам ничего не угрожает, порукой тому мое слово. Но и вы сдержите свое. Наш мир – наши горы, но это не значит, что желая мести, мы не спустимся в долину.

– В этом не будет нужды, – пообещал Гарольд. – Клянусь своей честью. Ну или тем, что от нее осталось.

– Ты часто ее тратил? – усмехнулся гном.

– Нет, просто не очень хорошо понимаю, кто я такой теперь есть. – Монброн невесело усмехнулся. – Фамильное имя осталось, а вот всего остального больше нет. Ни дома, ни семьи, ни даже королевства, где раньше все это находилось. Пес его знает, что в такой ситуации происходит со словом чести? И можно ли таким, как я, его давать? Честь – она родовая, а если рода нет, тогда...

– Тогда дай мне слово воина, – перебил его король. – Род, дом, семья – их может и не быть, но отвагу в бою и смелость духа, если они есть, отнять невозможно ни у гнома, ни у человека.

– Хорошо сказано, – крикнул Фальк. – За такие слова я бы выпил, будь чего.

– Вас не тронут, – встал с камня король. – Продолжайте свой путь. Но не забывайте про данное обещание!

И он ушел в темноту, туда, где поблескивали доспехи его воинства. А минут через десять Фриша, отлучившаяся от костра по своим делам, вернулась крайне удивленная и сообщила нам:

– Они ушли. Никого нет.

– Ну и хорошо, – зевнул Гарольд. – Тогда ложимся спать. Только «охранный круг» поставьте, теперь в нем есть прок. Тут вроде как и медведи водятся. Эль, твоя смена первая, потом Жакоба разбудишь.

Вот тогда-то Розы и задала мне свой вопрос, а узнав ответ, долго хихикала. После же положила мне голову на плечо, чего давно не случалось, и пробормотала, прежде чем уснуть:

– Не думай, что ты прощен. Я еще подумаю, как тебя наказать.

И пусть ее, я не против. Тем более что и правда есть за что.

Хвала богам, остаток пути мы прошли без приключений. Более того – нам удалось найти трех лошадей из числа тех, что прикончила лавина. Мертвыми, не живыми, причем изрядно пованивающими и подъеденными какой-то местной живностью. Но самое важное, а именно

седельные сумки, уцелело, что обрадовало нас невероятно. Особенно Розы, ибо одна из лошадей была ее.

Гномы никак не напоминали о себе, не считая последнего вечера, что мы провели в горах. Вернее – уже в предгорьях, ибо ветер доносил к месту ночевки ароматы цветения из совсем близкой долины. Но очень скоро их перебили запахи баранины с чесноком, которую умело готовил на костре Карл.

Ободранную и разделанную тушу горного барана мы нашли на камнях в том месте, где планировали провести последнюю ночь этого перехода. Вернее – там, где сказал Торвальд. Наш пленник был крайней неразговорчив, но время от времени давал короткие, но емкие и разумные советы, в основном на тему, где брать воду и где лучше заночевать. Мы к ним прислушивались, не видя смысла в спорах. Все и так ясно, соглашения заключены, какой резон ему устраивать нам ловушку?

В подарке гномов (а по-другому увесистую баранью тушу оценить было невозможно) мы увидели добрый знак. Как видно, они сделали какие-то свои выводы из произошедшего и решили нам дать это понять.

Ближе к полудню следующего дня мы наконец-то добрались до того места, где из земли торчал покосившийся путевой знак, сообщающий проходящим и проезжающим, что именно здесь кончаются Серые Горы и начинается Долина Ста Роз. Скажу честно – обрадовался я невероятно. Не нравятся мне все же горы. Неуютно мне в них.

Что до Торвальда, то он, стоя рядом со знаком и уставясь в землю, произнес необычно длинную для него речь.

– Эльфам не верьте. Обманут они вас. Вы хоть и человеки, но не самые плохие, а потому не сильно хитрые. А эльфы – они от веку правдивого слова не скажут. Речи плести станут, что паук паутину, да все они – лжа или навет. Им лишь бы своего чужими руками добиться, вот они какие. Я не со зла на них говорю, меж нашими племенами вражды нет. Они там, мы тут – чего делить? Не верьте им. Предадут. Или продадут, тут как сложится.

– Да мы про это знаем, – дослушав его, скривился Мартин. – Паскудный народишко, какие споры, вот только других союзников у нас нет. Никаких. Они одни и остались. А под пнями в бегах свой век коротать охоты нет. Оно, может, и проживешь дольше, но больно муторное бытие получится.

– Я сказал – вы услышали, – прогудел гном и уставился на меня. – Что, чародей, пора слово исполнять.

– Нет проблем, – передернул плечами я, достал флакон, в котором яркий магический ручеек все еще выписывал свои петли, встряхнул его, пробормотал под нос какую-то ахи-нею, которую никто, разумеется, распознать не смог, выдернул пробку и внутренне посмеялся, глядя на то, как безобидный детский фокус производит впечатление на взрослого коренастого гнома. Он с таким интересом смотрел на то, как искрящаяся линия сначала превращается в маленькую радугу, а после рассыпается на сотни ярких даже в свете дня искр, что я поневоле подумал, что надо мне было не вояки записываться, а в площадные маги идти. На кусок хлеба вот такой ерундой я себе и Розы всяко бы заработал.

– Прощай, Торвальд, – хлопнул гнома по плечу Монброн, а после протянул ему свой кинжал в ножнах. – Прими в дар, если сочтешь возможным, и не сердись на то, как все вышло. Не было у нас выбора.

– Мы не уйдем вас, если вы снова придете в наши горы, – помолчав и все же взяв клинок, промолвил тот. – По крайней мере – сразу.

После он развернулся и зашагал обратно по извилистой дороге, поднимаясь все выше и выше, туда, где на скалах то и дело вспыхивали блики солнца на отменно выкованной гномьей броне.

А мы отправились в другую сторону, в зелень лета, к колыхавшимся под ветром ярким бутонам сотен розовых кустов и далекой сочной зелени леса, лежавшего за лугом.

Пожалуй, из всех земель, что нам довелось повидать за жизнь, именно Долина Ста Роз являлась самой красивой и спокойной. Здесь не было селений и стражников, не чадили костры и не кричали сжигаемые на них люди. Тут вообще никто не жил, хотя дороги, ведущие к лесу, явно кто-то поддерживал в приемлемом состоянии. Не в идеальном, но достаточно хорошем, чтобы по ним пройти. Почему, отчего так обстояло дело – никто из нас не знал. Разве что Мартину довелось давным-давно, еще в детстве, услышать какие-то обрывки рассказов о некоем бедствии, обрушившемся на тех, кто тут обитал. То ли это было моровое поветрие, то ли другая какая другая напасть – он не помнил, но главное – ушли отсюда люди. Ушли еще задолго до Века Смуты и не вернулись до сих пор. Разве что путники вроде нас потревожат тишину этого места, или караван особенно отчаянного купца рискнет сократить дорогу, пройдя через перевал Карах, чтобы побыстрее добраться до дальних Королевств, вроде Фольдштейна или Сезии. А теперь и последних не увидишь. И купцов поприжали, и Фольдштейна не стало.

Но нам это было только на руку. Чем меньше вокруг нас народа – тем лучше, опыт последних лет четко об этом свидетельствовал. Так безопаснее для всех выходит – и для нас, и для тех, кому придет в голову проверить то, насколько мы готовы к отражению опасности.

Одно плохо – когда день за днем вокруг тишина и безлюдье, поневоле притупляется внимательность. Нет, «сигнальный круг» ставился еженощно, и дежурный у костра глаз не смыкал, но все равно внутренняя пружина, та, что постоянно была напряжена там, по ту сторону Серых Гор, как-то незаметно стала разжиматься. Ну а что? Ничего же не происходит, разве что лес неумолчно шумит да птицы галдят. И все.

Вот потому встреча с отрядом имперцев и стала для нас совершеннейшей неожиданностью. Мало того – мы были к ней не готовы и потеряли драгоценные первые секунды после столкновения, те, что зачастую решают исход всего боя.

Еще скверно было то, что это уже и не лес вовсе был, а скорее подлесок. Можно еще слово «рощица» употребить. Настоящие чащобы остались за спиной дня два назад, после чего большинство из нас вздохнуло с облегчением. Хорошо Фальку или Фрише, они привычны к подобным местам, а вот на меня, выросшего в портовом городе, или же Эль Гракха, сына Панта, чем-то схожего по климату с Халифатами, все эти бесконечные деревья, за которыми не видно просветов, нагоняют тоску. Все время кажется, что лес не кончится никогда и мы обречены по нему плутать до конца своих дней, если раньше нас медведи не сожрут. Я по этой причине прошлой зимой особо из дома Фальков и не выходил. По крайней мере, без Карла, который в тех краях не терялся даже с закрытыми глазами.

А здесь нас вел Мартин. В какой-то момент у меня возникло ощущение, что он тут вообще когда-то побывал – настолько уверенно он двигался впереди отряда, лишь изредка поглядывая на кусок замусоленного пергамента да на небо, как видно, ориентируясь по солнцу. Как выяснилось чуть позже, это оказалась карта. Не терял наш приятель времени зря в минувшем году, честь ему и хвала. Среди ночных дорожных работников ведь кого только нет, в лес на заработки по разным причинам приходят, не все отправляются разбойничать только ради убийств и кровопускания. Нужда, знаете ли, не мамка, поесть не даст. Так вот, Мартин долго и обстоятельно беседовал со всеми, кто хоть когда-то побывал в этих краях, выпрашивая малейшие детали и заносил их в свой дневник, а после еще и карту нарисовал.

Лично я и по этим пометкам дорогу не отыскал бы, но то я. А Мартин – смог, вывел нас из чащобы и сообщил, что уже совсем скоро мы выйдем к берегам Луанны. И все бы ничего, да вот надо же было нарваться на добрую конную полусотню имперцев, которые вообще невесть откуда тут взялись! Ну да, война между Линдусом и Меллобаром идет вовсю, она никуда не делась, но не здесь же? Патруль эльфов – вот кого мы тут ожидали встретить, более того – на это надеялись; но воины Айронта?

Мы столкнулись на солнечной поляне, поросшей земляничником, и на эти проклятые секунды замерли, пытаясь осознать увиденное.

На нашу беду, вояки оказались не из последних, знали, с какой стороны братья за меч и за арбалет. Впрочем, оно и неудивительно: вряд ли в рейд по тылам противника пошлют зеленых юнцов. Странно только, что они без головного дозора шли. Ну да это нам на руку оказалось, а то бы влетели мы сейчас на полном ходу в засаду – и все, конец истории. Зато как тихо, мы ведь даже их не слышали. Конную полусотню – и не слышали. Лес, конечно, глушит звуки, но все равно...

Додумывал я эту мысль уже тогда, когда прыгнул в сторону, поближе к деревьям. И промахнулся в меня, глядишь, и друзьям не буду мешать, закрывая обзор. Магам кучей хорошо воевать издалека, а вот так, глаза в глаза, трудновато. Того и гляди, кого-то своего заденешь.

Десяток болтов свистнул почти одновременно с заклитием Эль Гракха, который отмер первым. Земля под копытами уже пришпоренных седоками лошадей встала дыбом, те истошно, до хрипа, заржали, сбрасывая с себя седоков, и подали назад, увеличивая сумятицу.

– В мечи их! – услышал я крик офицера, который чудом остался в седле. – Это маги! Маги!

– Врассыпную, а то стопчут! – запоздало гаркнул Фальк, доставая шпагу, которой он по-прежнему доверял больше, чем своим чародейским способностям. – Давай!

– Даю! – буркнул я, запуская «волну крови» и подумав о том, что все начинается по новой, опять у меня вся ладонь в рубцах будет.

Хорошее заклятие, полезное, я его еще в замке выучил, только в ход его нечасто пускать приходилось, разве что только в Халифатах, да и то не каждый раз. Его основные неудобства в том, что, во-первых, оно не особо разбирает, где свои, где чужие, накрывая собой сразу всех, кто попадется на пути, а во-вторых – совершенно неэффективно на расстоянии. Скажем так – это оружие ближнего боя. Подобные ситуации в моей жизни встречались редко, поскольку глаза в глаза все чаще воевать приходилось в жуткой сутолоке, где всё и все смешались в одну людскую массу. Плюс ему нужна, скажем так, относительно ровная поверхность. Ну не просто же так в его названии употреблено слово «волна»?

Багровая облачная муть поднялась на высоту моего роста и сплошной стеной пошла вперед, погребая под собой тех служаек, что не успели подняться на ноги после удачного удара Эль Гракха, и тех, кто в данный момент пытался успокоить бьющихся в ужасе лошадей. Точнее – именно лошадям и досталось больше всего, для животных «волна крови» – это приговор.

Смысл заклятия в том, что любой вдохнувший часть созданного мной бестелесного марева получает изрядную долю яда. Кровь – благословение людское, мы без нее жить не сможем, как известно. Но любое благословение несет в себе частичку зла, так уж повелось. Вот и я свою кровь сделал ядом, за что вскоре получу неслабый откат. Не лучший вариант, конечно, но если сейчас экономить силы и сразу же не выбить основную часть этих вояк, то все станет еще хуже. Мы попадем в руки имперцев, и вскоре откат мне покажется детскими играми.

Мои труды не пропали даром – и людям, и коням пришлось лихого. Зацепил я, правда, не такое уж большое количество врагов, но победа складывается из мелочей.

Бум! Бум! Два огненных шара встретили десяток врагов, которые, сквернословя, но все же выбирались из не очень глубокой ямы, мгновением раньше появившейся прямо под их ногами посреди поляны. Кто и как успел кинуть заклятие «земляного мешка» – не знаю, но отличный ход. Дешево и практично.

Ругань сменилась воплями горящих заживо людей, и они прозвучали в моих ушах как музыка. Чем больше криков, тем сильнее паника, а она – наш друг.

– А-а-а-а! – на меня мчался уже порядком испуганный усач, размахивая саблей. Ну, что я говорил? Не выдержали все же ветеранские нервишки, страшно стало. Но этот еще ничего, молодец, а кое-кто, надеюсь, уже обратно в лес ноги уносит, от нас куда подальше бежит.

«Ножи крови» впились солдату в горло, и, не добежав до меня всего несколько шагов, он ничком повалился на землю.

Вот и славно. Ох ты, ноги слабеют. Вот и «откат» пожаловал.

– Строй! – надсаживая глотку, орал офицер, как видно, окончательно растерявшийся. Ну какой в драке с магами строй может быть? Чтобы нам проще было убивать? Нет, так-то мы не против...

Да и кому в тот строй вставать? Крепко мы твою армию проредили, парень!

Свиста стрелы я не услышал, но зато сразу ее увидел. Она пробила шею офицера насквозь, и кровь капала с наконечника на его плечо с золотистым галуном. Длинная, серая, с черным оперением.

Эльфийская, короче. Только они наконечники золотят, больше никто.

Опередили меня ушастые, я сам хотел этого крикуна успокоить.

Собственно, бой был почти закончен, имперская полусотня практически перестала существовать.

Пару солдат, пытавшихся скрыться в лесу, настигли стрелы, сбив их с лошадей. Еще троих, стоящих спина к спине и ощерившихся сабельными клинками, прикончил «молот воздуха», расплескав кровавую кашу во все стороны. Это Роза постаралась, она на такие вещи мастер. Рунная магия рунной магией, но и с другими разделами чародейства она дружит.

Боги, все же страшная штука война. Страшная. Всего несколько минут назад эта полянка была олицетворением красоты природы и вечного покоя. Зеленый покров с яркими солнечными бликами на нем, красные пуговицы земляники, птичий щебет... Отдохновение души и сердца.

И вот сюда пришли мы. Развороченная земля, выжженные пятна, жалобно хрипящие кони, стонущие люди и – кровь, кровь, кровь... Кровь везде.

А еще – Магдалена, лежащая на траве, раскинувшая руки так, будто собирается взлететь в небо, подобно птице. Спокойное выражение лица, закрытые глаза и черное оперение на арбалетном болте, торчащем у нее из груди.

– Я вообще мало чего боюсь, – сказала нам Фриша, стоящая на коленях рядом с телом Магдалены. – Только вот луков и арбалетов начинаю опасаться. Слишком много наших именно они к Престолам Владык отправили. Флоренс, Луиза с Робером, Ромул...

– Сюзи Боннер еще, – добавил я, почему-то совершенно не думая о том, что, скорее всего, за спиной у меня один за другим из леса сейчас выходят эльфы. – Тогда, на стене замка.

– Потому что на равных у них нет против нас шансов, – бросила Роза, еще разгоряченная после боя. – Стрелы да костры, вот что они для нас готовят.

Кто именно «они», моя избранница не уточнила, но только всем и так все понятно было. Все, кто не входит в наш узкий круг. Весь мир, проще говоря.

– От судьбы не уйдешь, – заметила Эбердин, опускаясь на траву рядом с телом нашей подруги. – Обвал ее пощадил, от гномов она отбилась, а тут вот сплеховала. Не успела увернуться, значит. Нога ее подвела, думаю. Связки она очень сильно потянула, я уж лечила-лечила, а все равно.

Это да, если кому и не хватало лошадки в пути, так это ей. Карл пару раз под вечер даже предлагал Магдалене на закорки к нему взгромоздиться, только та то ли стеснялась, то ли за шутку это принимала, потому всякий раз отказывалась.

– Прозвучит дико, но с этими господами мы встретились удачно, – уголок рта у Гарольда дернулся. – По крайней мере, теперь не придется доказывать эльфам, что мы не союзники Империи. Лучших аргументов, чем те, что уже предъявлены, не сыскать.

Кстати, об эльфах – их и в самом деле на поляне прибавилось, но к нам они пока не подходили. Одни добивали раненых, другие обшаривали трупы. А еще один, высокий, со свет-

лыми, почти белыми волосами, заплетенными в три косы, и в плаще с золотой окантовкой общался с тремя уцелевшими солдатами. Ну как общался – похоже, допрашивал.

Вот один из них резко выкрикнул:

– Не тебе, нелюдь, такие вопросы задавать! – и тут же лишился головы. Эльф снес ее с плеч человека одним выверенным движением, я, признаться, его толком и не заметил. Росчерк стали – и вот из безголового тулова фонтаном хлещет кровь.

Второй воин оказался не менее несговорчивым и, как следствие, таким же невезучим. А вот третий что-то забубнил, причем охотно и поспешно.

– Сейчас этот патлатый с имперцем закончит и к нам придет, – уверенно заявил Мартин. – Не люблю я эльфов, никогда не знаешь, что от них ждать.

– Смерти, если мы им не понравимся, – равнодушно отметил Эль Гракх. – Причем быстрой, что, в общем-то, неплохо. Фриша была права. Поляна в кольце, а мы на прицеле.

И верно – эльфы как-то очень ловко и незаметно рассыпались по окружности поляны и теперь, стоя у деревьев, безразлично смотрели на нас, держа стрелы на тетивах луков. Не натянутых, но тем не менее.

– Не понравимся – будем воевать. – Гарольд, поморщившись, вырвал арбалетный болт из груди Магдалены. – Не в первый раз.

– А ты сделай так, чтобы все прошло так, как нам надо, – жестко заявила ему Роза. – Не можешь сам – давай я поговорю. У меня получится, поверь.

– Разберемся, – уклончиво ответил ей Гарольд. – Раньше времени только в беседу не лезь, очень тебя прошу.

Эльф тем временем срубил голову и третьему солдату, несмотря на разговорчивость последнего, а после направился к нам, не убирая свой длинный, чуть изогнутый клинок без гарды.

– Мое почтение, – выставил ладони перед собой Монброн, показывая, что безоружен. – Надеюсь, вы не откажетесь меня выслушать?

Глава шестая

– Не откажусь, – ответил ему эльф. – Собственно, по этой причине вы до сих пор и живы.

Голос у него был мелодичный, навевающий воспоминания о чем-то давным-давно услышанном и забытом. То ли о песнях матери, которые та тихонько нашептывала мне маленькому в ухо, чтобы я скорее засыпал, то ли о майском вишневом саде, осыпанном белыми лепестками.

Магия эльфийских голосов хорошо всем известна, даже поговорка такая есть: «Не верь гному, когда речь идет о щедрости, не верь нордлигу, когда речь идет о доброте, и не верь эльфу никогда, а особенно когда он говорит». Умеют ушастые что-то такое в наших душах задеть – потаенное, от всех спрятанное, с детства забытое. А пока ты пытаешься понять, с чего так разомлел, они тебя – хап! Добро, если только до нитки разденут, – могут и кинжалом под ребро приласкать.

– Мы рады встретить подданных короля Меллобара, – заявил Гарольд громко. – Собственно, именно к вам мы направлялись.

– Люди шли к эльфам, – задумчиво промурлыкал обитатель вечнозеленых лесов. – Вы не знаете, что между нашими народами война? Звенит сталь, льется кровь, и все время кто-то умирает.

– Все так, – подтвердил Монброн. – Но случившееся здесь очень четко дает понять, на чьей стороне мы в этой войне выступаем.

– Пока я вижу только то, что вы выступаете на своей собственной стороне, – уточнил эльф. – Да, да, вы пролили кровь своих соплеменников, но это не означает того, что мы союзники. Пока все сами по себе – слуги императора Линдуса, служители короля Меллобара и вы, юные незнакомцы. Отдельно замечу, что в лесах Медона не любят тайны. Ни свои, ни чужие. Эльфы – открытый и честный народ, что бы про нас ни говорили.

– И это верно, – помолчав, подтвердил Гарольд. – Пока мы на своей собственной стороне, но хотели бы присягнуть на верность королю Меллобару. Его враги – наши враги, так уж получилось. Вместе воевать куда удобней, чем поодиночке, согласитесь, уважаемый... Прошу прощения?

– Атиль, – чуть помедлив, представился эльф. – Атиль из дома Тонно, третий сын своего отца.

Он назвал нам свое имя, и это хороший признак. Все знают, что ушастые невероятные лицемеры и лжецы, но при этом кое-какие традиции они исполняют свято. Например, никогда не называют свое имя тем, кого считают того недостойными. Или тому, кто заведомо обречен на смерть.

– Так вот, любезнейший Атиль из дома Тонно, войны выигрывают те, кто умеет заключать союзы и верно расставлять приоритеты. Король Меллобар – великий политик и великий стратег, если кто и может переломить хребет Империи, так это только он. У нас с Линдусом и его окружением свои счеты, потому мы хотим встать на сторону того, кто сможет помочь нам заплатить по ним сполна. Тем более что в ваших рядах уже есть подобные нам. Маги.

– Вы не маги, – погрозил нашему лидеру Атиль указательным пальцем правой руки. – Вы подмастерья, это сразу видно. Может, ученики последнего года перед вручением посоха: ваша работа была очень неплоха. Но не полноправные маги, меня не обманешь. Эльфы многое замечают, мы наблюдательней вашего племени. А еще мы гораздо острее чувствуем людские эмоции, для нас страх, боль, страсть – не просто слова. Мы их почти осязаем. Вот ты сейчас ведешь со мной беседу, а на сердце у тебя боль, ты переживаешь из-за смерти вон той девушки. Твоя душа плачет.

– Удивил ты меня, Монброн. Я тебя всегда бревном бесчувственным считала, – сказала Фриша. – Надо же!

– Кто был вашим наставником? – спросил вдруг эльф довольно строго. Да и вообще как-то изменился его голос, ушли из него лирические оттенки.

– Нашего учителя звали Ворон, – сухо ответил Монброн. – Он погиб год назад.

– Ты не лжешь, – кивнул Атиль. – Это хорошо. Имя вашего наставника известно в наших лесах, да и он сам несколько раз в них бывал, оказывая кое-какие услуги его величеству. Случилось это не вчера, но тем не менее. Сами знаете – еще совсем недавно люди с нами не очень-то считались, но маг Ворон был не таков, мы это помним. Вы можете пойти с нами, люди. Я беру ответственность за это решение на себя до той поры, пока не передам вас тому, кто станет вершить ваши судьбы дальше. Вам запрещено пересекать реку, которая является границей между миром людей и миром эльфов, вам запрещено удаляться от нашего отряда более чем на сотню шагов. Нарушите эти условия – заплатите за своеволие жизнью. Это ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.